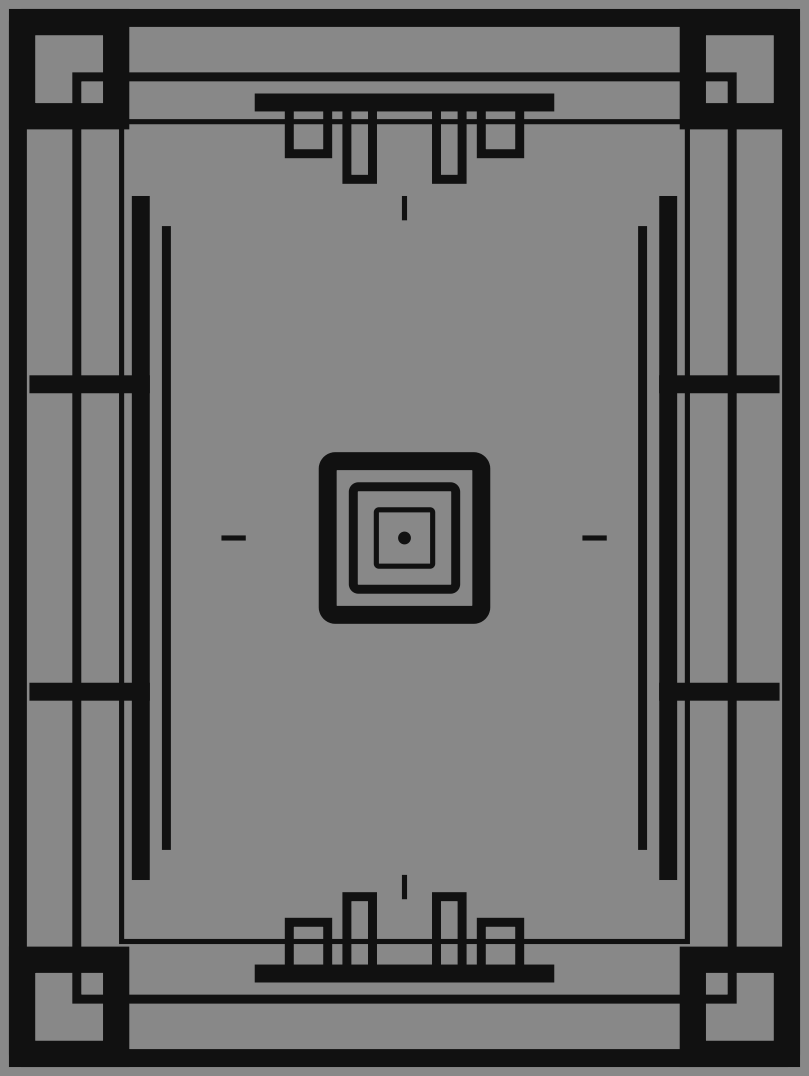

Две мертвые китаянки
Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшил Хэммет. Две мертвые китаянки

Аннотация

Роман Д. Хэммета «Две мертвые китаянки» еще раз подтверждает репутацию автора — мастера крутого детектива, очень популярного среди любителей этого жанра.

Дэшил Хэммет
Две мертвые китаянки

Когда старик вызвал меня в свой кабинет, она сидела на стуле поразительно застывшая и прямая. Высокая девушка около двадцати четырех лет отроду, с широкими плечами и плоской грудью. На ней был серый мужской костюм. О ее восточном происхождении свидетельствовали лишь коротко остриженные волосы цвета воронова крыла, желтоватая кожа ненапудренного лица да разрез верхних век, наполовину прикрытых темной оправой очков. Однако глаза были не раскосые, нос не приплюснутый, а подбородок выдавался вперед сильнее, чем это обыкновенно бывает у монгольской расы. Начиная от низких каблуков темных туфель и кончая фетровой шляпой без каких бы то ни было украшений, это была современная американка китайского происхождения.

Я знал, кто она, еще до того, как старик представил меня ей. Вся пресса Сан-Франциско в течение нескольких дней занималась делами этой мисс, помещая фотоснимки, интервью, за-

ключения более или менее опытных экспертов. Копнули вглубь истории аж до тысяча девятьсот двенадцатого года, чтобы осветить подробности ожесточенной борьбы в местной китайской колонии — в основном выходцев из Квантуна, — в которой демократические идеи сочетались с ненавистью к династии Цин. Это заставляло отца девушки держаться подальше от Соединенных Штатов, где он укрылся лишь после краха империи. Пресса напомнила также о волнениях, вспыхнувших в Китайском квартале, после того как Шан Фан получил разрешение на въезд, — на улицах появились оскорбительные плакаты, готовилась не слишком приятная встреча.

Но Шан Фан перехитрил кантонцев: его так и не увидели в Китайском квартале. Он прихватил дочь и золото, — как полагали, плод долгих лет злоупотребления провинциальной властью — и осел в графстве Сан-Матео, где, по мнению прессы, выстроил себе на берегу Тихого океана настоящий дворец. Там он жил и умер, и его образ жизни был достоин китайского сановника и миллионера.

Это то, что касается отца. Что же касается дочери, то молодая женщина, окидывавшая меня холодным взглядом из-за стола, была малень-

кой китаяночкой, десятилетней Ай Хо, когда отец привез ее в Калифорнию. Ныне от наследия Дальнего Востока остались лишь уже описанные черты лица да деньги, оставленные отцом. Ее имя в переводе на английский звучало Уотер Лили — Водяная Лилия, а после очередной метаморфозы — Лилиан. Лилиан Шан закончила один из университетов Восточного побережья, получила несколько ученых степеней, стала чемпионкой на каких-то теннисных соревнованиях в тысяча девятьсот девятнадцатом году и написала книгу о природе и значении фетишей или чего-то в этом роде.

Со времени смерти отца в двадцать первом году она проживала с четырьмя китайскими слугами в доме у океана, где написала свою первую книжку. В настоящий момент она писала вторую и сообщила нам, что несколько недель назад застряла на мертвой точке и что в библиотеке Арсенала в Париже находится рукопись древнего каббалистического трактата, который, по ее словам, помог бы ей решить все проблемы. Поэтому она собрала небольшой чемодан и в сопровождении китайской служанки по имени Ван Ма отправилась поездом в Нью-Йорк. Оставшимся слугам она велела присматривать

за домом. Решение о поездке во Францию с целью взглянуть на вышеупомянутую рукопись она приняла утром, а прежде чем наступили сумерки, уже находилась в поезде. Где-то между Чикаго и Нью-Йорком ей неожиданно пришло в голову решение проблемы, доставившей столько хлопот, поэтому, не останавливаясь в Нью-Йорке, даже чтобы переночевать, она возвратилась в Сан-Франциско. С паромной пристани позвонила своему шоферу, чтобы он за ней приехал, но ответа не дождалась. Вместе со служанкой они поехали домой на такси. Она позвонила в дверь, но безрезультатно.

Когда она вставила ключ в замочную скважину, дверь внезапно распахнулась — на пороге стоял молодой китаец, незнакомый. Он не хотел ее впускать, пока не узнал, кто она такая. После этого он что-то пробормотал себе под нос, и они со служанкой вошли в холл, где были связаны и закутаны в какие-то портьеры.

Спустя два часа Лилиан Шан освободилась, обнаружив, что находится в чулане для белья на втором этаже. Она зажгла свет и занялась освобождением служанки, но вскоре отказалась от этого: Ван Ма была мертва. Веревка на ее шее была затянута чересчур сильно.

Лилиан Шан спустилась вниз — в доме никого не оказалось — и позвонила шерифу Рэдвуд-Сити.

Вскоре явились двое помощников шерифа, выслушали ее историю, обыскали дом и обнаружили еще один труп — другую задушенную китаянку, зарытую в подвале. Она явно умерла неделю, а то и больше назад; влажная почва затрудняла точное определение. Лилиан Шан опознала в ней свою вторую служанку — кухарку Ван Лан.

Остальные слуги — Ху Лун и Ин Хун — исчезли. Из обстановки стоимостью в несколько сот тысяч долларов, которые старый Шан Фан при жизни вложил в свой дворец, не пропало ни единого предмета. Незаметно было и никаких следов борьбы. Все находилось в полном порядке. Ближайший дом расположен на расстоянии около километра. Соседи ничего не видели.

Вот какая история заполняла страницы газет, и вот что рассказала эта девушка мне и старику, сидя в застывшей позе на стуле. Говорила она деловито и лаконично, как обыкновенно говорят о делах, произнося каждое слово с такой отчетливостью, словно оно было напечатано жирным шрифтом.

— Я не удовлетворена усилиями, предпринятыми властями графства Сан-Матео для обнаружения убийцы или убийц, — сказала она в заключение, — и хочу воспользоваться услугами вашего агентства.

Старик постучал по столу кончиком своего неизменного длинного желтого карандаша и покачал головой, глядя в мою сторону.

— У вас есть собственная версия преступления, мисс Шан? — спросил он.

— Нет.

— Что вам известно о ваших служащих? Тех двоих, которые исчезли, и мертвых девушках?

— Откровенно говоря, мне известно о них очень мало или вообще ничего. — Ее тон не свидетельствовал об особом интересе к этой проблеме. — Ван Ма поступила последней и пробыла у меня почти семь лет. Их всех нанимал еще мой отец и, как я полагаю, знал о них больше.

— Вы не знаете, откуда они родом? Имеют ли родственников? Друзей? Чем занимались в свободное от работы время?

— Не знаю, — ответила она. — Я не вмешиваюсь в их личную жизнь.

— Как выглядели те двое, которые исчезли?

— Ху Лун — старый человек, худощавый, седой,

сгорбленный. Он занимался домом. Ин Хун, мой шофер и садовник, гораздо моложе, ему, наверное, около тридцати.

Он низкого роста, даже для кантонца, но крепкого телосложения. У него сломанный нос, плохо сросшийся, очень плоский и провалившийся.

— Как вы думаете, могли они или один из них убить этих женщин?

— Не думаю, чтобы это сделали они.

— А как выглядел тот молодой китаец, который впустил вас в дом?

— Невысокого роста, худой, не более чем двадцати или двадцати одного года, с золотыми коронками на передних зубах. Помнится, у него была очень темная кожа.

— Объясните подробнее, мисс Шан, почему вы недовольны действиями полиции?

— Во-первых, я не уверена в их компетентности. По крайней мере, те, которых я видела, не поражали своим умом.

— А во-вторых?

— Неужели в самом деле есть необходимость вникать во все мои мыслительные процессы? — холодно спросила она.

— Такая необходимость есть.

Она посмотрела на старика, который улыбался

ей своей вежливой, ничего не говорящей улыбкой, лицо его при этом было как маска.

Она с трудом подавила раздражение и сказала:

— Мне кажется, они ищут не там, где нужно. Похоже, большую часть времени проводят поблизости от дома. Ведь это абсурд, полагать, что убийцы намерены вернуться.

Ее слова навели меня на одну мысль.

— Мисс Шан, а вам не кажется, что они подозревают вас? — спросил я.

Казалось, она вот-вот испепелит меня взглядом своих черных глаз сквозь стекла очков, еще сильнее выпрямляясь, если только это возможно, на стуле.

— Что за нелепость!

— Не в этом дело, — продолжал настаивать я. — Как вам кажется, могут они так думать?

— Я не в состоянии проникнуть в мысли полицейских, — отрезала она. — А вы?

— Мне ничего неизвестно об этом деле, кроме того, что я прочел, и того, что вы рассказали. Чтобы кого-то подозревать, мне требуется больше материала. Но я понимаю, почему люди шерифа испытывают сомнения.

Вы уехали довольно поспешно. Другого объяснения, кроме того, которое выдвинули вы, у них

нет. Не знают они и причины вашего возвращения. Женщина, найденная в подвале, могла быть убита как до вашего отъезда, так и после. Ван Ма, которая могла бы что-то рассказать, мертва. Остальные слуги исчезли. Ничего не украдено. Этого и впрямь достаточно, чтобы шериф подумал на вас?

— Вы меня подозреваете? — вторично спросила она.

— Нет, — откровенно признался я. — Но это ничего не значит.

Она обратилась к старику, слегка приподняв подбородок и как бы через мою голову:

— Так вы готовы взяться за это дело?

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал старик, а после того как были оговорены условия и мисс Шан стала выписывать чек, обратился ко мне: — Ты этим займешься. Возьми на подмогу кого считаешь нужным.

— Сначала я хочу осмотреть дом, — заявил я.

Лилиан Шан спрятала в сумочку чековую книжку.

— Превосходно, — сказала она. — Я как раз возвращаюсь домой и могу вас подвезти.

Это была спокойная поездка. Ни я, ни девушка не тратили энергии на разговоры. Похоже, мы

не очень понравились друг другу. Машину она вела хорошо.

Дом Лилиан Шан был большой, из бурого кирпича и стоял посреди ухоженного газона. С трех сторон его окружала живая изгородь, доходившая мне до плеч, с четвертой был берег океана, врезавшегося в этом месте в сушу между двумя скалистыми мысами.

Внутри полно было разных циновок, ковров, картин и так далее — невообразимой мешанины американских, европейских и азиатских вещей. Я провел в доме не особенно много времени, бросив взгляд на чулан для белья, еще не зарытую могилу в подвале и бледную датчанку с тупым выражением лица, занимавшуюся домом, с тех пор как Лилиан Шан осталась без прислуги. Затем я вышел во двор, походил по газону, сунул голову в гараж, где стояли два автомобиля, не считая того, на котором мы приехали из города, и пошел дальше, чтобы потерять вторую половину дня в бесплодных разговорах с соседями. Ни один из них ничего не знал. Людей шерифа я не стал разыскивать, поскольку представлял конкурирующую сторону.

Когда стемнело, я отправился в город, в небоскреб, где проживал в первый год пребывания

в Сан-Франциско. Паренька, который был мне нужен, я нашел в его уютной клетушке, когда он надевал розовую, как черешня, рубашку, — было на что посмотреть! Сиприано, филиппинец со светлой кожей, в течение дня присматривал за главным подъездом. Вечером же его, как и других филиппинцев, можно было встретить на Керни-стрит, чуть пониже Китайского квартала, где он передавал свои деньги в руки желтых братьев в каком-нибудь из китайских игорных домов.

Как-то, полушутя, я пообещал ему при возможности дать попробовать себя в роли детектива. Похоже, теперь такая возможность представится.

— Пожалуйста, пожалуйста, заходите! — Он вытащил из угла и придвинул мне стул, кланяясь и улыбаясь.

Что бы там ни делали испанцы с подвластными им народами, но вежливость им они несомненно привили.

— Что слышно в Китайском квартале? — поинтересовался я.

Не переставая одеваться, Сиприано улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

— Вчера я выиграл одиннадцать баксов.

— И намереваешься проиграть их сегодня?

— О, не все, сэр. Пять долларов я истратил на эту рубашку.

— И правильно сделал! — похвалил я его за разумное вложение части прибыли от азартных игр. — А что слышно еще?

— Что и обычно, сэр. Вы хотите о чем-то разузнать?

— Не исключено. А не болтают о тех убийствах на прошлой неделе в доме у океана?

— Нет, сэр. Китаец не любит болтать о таких вещах. Не то, что мы, американцы. Я читал про это в газетах, но слышать не слышал.

— Много чужих вертится сейчас в Китайском квартале?

— Всегда нет-нет да и покажется кто-нибудь чужой, сэр. Может, и теперь вертится. А может быть, и нет.

— Хочешь сделать кое-что для меня?

Он поспешно откликнулся:

— О да, сэр! Да, сэр! — И повторял свои «да, сэр», уже сидя на корточках и вытаскивая из-под кровати чемодан, а из него — пару латунных кастетов и блестящий револьвер.

— Погоди, не спеши! Речь идет о кое-каких сведениях. Я вовсе не хочу, чтобы ты для меня кого-нибудь пристукнул.

— Я не сделаю этого, — заверил он меня, запихивая оружие в карман. — Я ношу оружие просто так, на всякий случай… Оно всегда может пригодиться.

Я не стал с ним спорить. Если он решил заработать кривые ноги, таская в карманах тонну железа, Бог с ним.

— Послушай, что мне от тебя надо. Исчезли двое слуг из того дома у океана. — Я описал Ин Хуна и Ху Луна. — Я хочу их разыскать. Кроме того, я хочу знать о друзьях и родственниках мертвых китаянок и откуда они родом, а также те двое мужчин. Мне нужно знать о новых пришельцах — где околачиваются, спят, что замышляют. Только не старайся разузнать обо всем за один вечер. Хорошо, если сумеешь узнать что-нибудь хотя бы через неделю. Вот тебе двадцать долларов, твоя ставка — пять долларов за ночь. А остальное на мелкие расходы, чтобы ты мог свободно передвигаться. Не суйся куда не надо, не то можешь здорово схлопотать. Спокойно, не торопясь постарайся разнюхать о том, что я тебе сказал. Завтра я зайду.

От филиппинца я отправился в нашу контору. Там не оказалось никого, кроме Фиске, у которого было ночное дежурство, но Фиске считал, что

старик еще заглянет на минутку.

Куря сигарету, я делал вид, что слушаю остроты, — Фиске представлял мне подробный отчет о программе в «Орфее», — но на самом деле был погружен в невеселые размышления. Слишком хорошо меня знали в Китайском квартале, чтобы я мог там что-нибудь разнюхать лично, а что касается Сиприано, вряд ли стоит ожидать от него особой помощи. Мне нужен был человек, хорошо ориентирующийся в тамошних делах.

Продолжая раздумывать на эту тему, я вдруг вспомнил про Ухла. Ухл был «глухонемым», утратившим свой талант. Еще пять лет назад весь мир принадлежал Ухлу. Только в исключительно паскудные дни грустное лицо, пачка булавок и табличка «Я глухонемой» не позволяли ему настрелять двадцать баксов на постоянной трассе среди учреждений и контор. У него был великий дар: он умел сохранять каменное спокойствие, когда какой-нибудь Фома неверующий неожиданно гаркал у него за спиной. Когда он находился в хорошей форме, можно было выстрелить из пистолета у него над головой — он бы даже глазом не моргнул.

Но злоупотребление героином расшатало его нервную систему, и достаточно было малейшего

шороха, чтобы «глухонемой» выходил из себя. В конце концов, он распростился со своими булавками и табличкой — еще одна жертва дурных привычек.

Ухл выступал в роли гонца для каждого, кто готов был рискнуть ставкой, равной цене дневной порции белого порошка. Он ночевал где-то в Китайском квартале и не утруждал себя соблюдением правил игры. Я воспользовался им при добывании кое-каких сведений с полгода назад.

Я позвонил Лупу Пигатти, у него притон на Пасифик-стрит, там, где Китайский квартал граничит с Латинским. Луп добропорядочный гражданин, содержащий вполне пристойную забегаловку и не сующий нос в чужие дела. Для Лупа все равны. Бандит, доносчик, детектив или рабочий — Луп всякого готов обслужить. И на этом конец. Но ты мог быть уверен: если ты ему что-то сказал и это не ущемляет его интересов, он будет держать язык за зубами. И когда он тебе что-то скажет, это будет правдой.

Луп сам снял трубку.

— Вы можете разыскать Ухла? — спросил я, предварительно назвав себя.

— Не исключено.

— Спасибо. Я бы хотел увидеться с ним сегодня

вечером.

— Вы что-нибудь имеете против него?

— Нет, мистер Луп, не имею и не думаю, что буду когда-нибудь иметь. Я хочу, чтобы он кое-что для меня сделал.

— Хорошо. Где вы хотите с ним встретиться?

— Пришлите его ко мне. Я буду ждать.

— Если он покажется, — пообещал Луп и положил трубку.

Я предупредил Фиске, чтобы старик позвонил мне, когда придет, и пошел к себе поджидать своего осведомителя.

Он явился в начале одиннадцатого — приземистый мужчина лет сорока, с тестообразным лицом и волосами мышиного цвета с пробивающимися желтовато-белыми прядями.

— Луп сказал, что у вас есть для меня дело.

— Да, — подтвердил я, указывая ему на стул и закрывая дверь. — Я покупаю информацию.

Он помял в руках шляпу, собрался было сплюнуть на пол, но раздумал, облизал губы и взглянул на меня:

— Какую информацию? Я ничего не знаю.

Я смотрел на него, удивленный. Вследствие употребления героина зрачки его желтых глаз должны были напоминать булавочные головки,

как это бывает обычно у наркоманов. Но они были нормальными. Разумеется, это не значило, что он бросил героин, просто закапал в глаза атропин, чтобы расширить зрачки. Но зачем? Это меня удивило.

— Ты слышал о китаянках, которых убили на прошлой неделе? — спросил я.

— Нет.

— Тогда вот что я тебе скажу, — продолжал я, пропуская мимо ушей его «нет». — Я разыскиваю двух китайцев. Их зовут Ху Лун и Ин Хун. Ты что-нибудь о них знаешь?

— Нет.

— Если найдешь кого-нибудь из них, получишь двести долларов. Если я узнаю, кто убил, получишь еще двести. И еще двести, если разыщешь худого парня, китайца, с золотыми коронками, который впустил в дом Шан и ее служанку.

— Мне ничего неизвестно.

Однако последние слова он произнес машинально, потому что уже подсчитывал те сотни долларов, которыми я помахал у него перед носом. Весьма вероятно, что в его сознании, помутившемся от наркотиков, сумма выросла до нескольких тысяч. Он вскочил с места:

— Я посмотрю, что смогу сделать. А не могли бы

вы дать мне аванс? Хотя бы сотню, а?

У меня такого намерения не было.

— Деньги после получения информации.

Нам пришлось немного подискутировать на эту тему, но в конце концов, стеная и охая, он удалился, чтобы заняться добыванием нужных мне сведений.

Я вернулся в контору. Старика еще не было. Он явился только около полуночи.

— Я обратился к услугам Ухла, — сообщил я. — Кроме того, отправил в Китайский квартал одного молодого филиппинца. Мне пришла в голову одна идея, не знаю только, кто сможет ее осуществить. Я думаю, если дать в газете объявление, что требуются шофер и лакей для работы за городом, те двое попались бы на удочку. Вы не знаете, кто бы мог устроить нам такую штуку?

— Расскажи подробно, что ты имеешь в виду.

— Понадобится человек, проживающий в уединенном месте, чем дальше от города, тем лучше. Он должен позвонить в одну из китайских посреднических контор по найму и сказать, что ему нужны повар, лакей и шофер.

Повара мы для отвода глаз подыщем сами. Если рыба заглотит наживку, нужно будет дать ей время для изучения ситуации. Так вот, этот чело-

век должен иметь прислугу и распустить среди ближайших соседей слухи, что она увольняется. Прислуга тоже должна быть в курсе дела. Нужно будет выждать пару дней, чтобы у наших друзей было время сориентироваться. Мне кажется, лучше всего действовать через посредническое бюро Фон Ика на Вашингтон-стрит. Тот, кто будет этим заниматься, должен завтра утром позвонить Фон Ику и сказать, что зайдет в четверг утром взглянуть на кандидатов. Сегодня у нас понедельник, времени достаточно. Наш помощник явится в бюро в четверг в десять утра, а мы с мисс Шан подъедем на такси десятью минутами позже, когда он будет осматривать претендентов. Я выскочу из такси, зайду в бюро и придержу тех, кто будет смахивать на наших беглецов, а мисс Шан явится спустя пару минут и опознает этих парней, чтобы никто не смог поднять шум, что мы, дескать, арестовываем людей без всяких на то оснований.

Старик одобрительно кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он. — Думаю, что смогу это устроить. Завтра дам тебе знать.

Я вернулся домой и завалился спать. Так закончился первый день.

На другой день, во вторник, я разговаривал

с Сиприано в доме, где он служил швейцаром. Вокруг глаз у него образовались такие круги, что глаза напоминали два чернильных пятна на белой тарелке. Он заявил, что у него для меня кое-что есть.

— В самом деле в Китайском квартале объявились какие-то чужаки. Они ночуют на Беверли-плейс, с западной стороны, четвертый дом от Джайра Квона, где я иногда играю в кости. И вот еще что: я разговаривал с одним белым, который утверждает, что это бандиты из Портленда — Энрике и Сакраменто, люди Хип Сина. Скоро может начаться война между бандами.

— А как тебе показалось, эти типы похожи на гангстеров?

Сиприано почесал голову:

— Пожалуй, нет, сэр, но те, которые не похожи, иногда тоже стреляют. Тот белый сказал, они люди Хип Сина.

— А кто этот белый?

— Не знаю, как его зовут, но он там живет. Такой невысокий, с белой головой.

— Седые волосы, желтоватые глаза?

— Да, сэр.

Несомненно, это был Ухл. Итак, один из моих людей морочил голову другому. Война между

бандами показалась мне маловероятной, хотя иногда дело доходит до мелких стычек, как правило, призванных отвести глаза от серьезных преступлений. Настоящая бойня в Китайском квартале чаще всего бывает результатом семейных или клановых разборок.

— А что ты можешь сказать о доме, где живут чужаки?

— Ничего, сэр. Но может быть, из него есть ход в дом Чан Ли Чина, который живет на другой улице, Споффорд Эли.

— Ах вот оно что! Кто же этот Чан Ли Чин?

— Не знаю, сэр. Он там живет. Никто никогда его не видел, но китайцы говорят, это большой человек.

— Ишь ты! Так говоришь, его дом на Споффорд Эли? — Да, сэр, дом с красными дверями и красными ступеньками. Его нетрудно найти, но лучше бы вам не иметь дела с Чан Ли Чином.

Трудно было сказать, совет это или ничего не значащее замечание.

— Он что, крупная рыбина? — попытался разузнать я.

Но мой филиппинец ничего толком не знал о Чан Ли Чине. Его вера в могущество этого человека основывалась лишь на словах китайцев.

Выяснив это окончательно, я спросил:

— Так ты что-нибудь разузнал о тех двух китайцах?

— Нет, сэр, но непременно разузнаю. Непременно.

Я похвалил его за сделанное, велел еще раз попытать счастья сегодня вечером и вернулся к себе поджидать Ухла, который обещал прийти в половине одиннадцатого. Не было еще и десяти, и я решил воспользоваться свободным временем и позвонить в контору. Старик сказал мне, что Дик Фоули, туз среди наших агентов, как раз свободен, и я выпросил его себе на подмогу. Потом зарядил свою пушку, уселся и стал поджидать осведомителя.

Он позвонил в дверь только в одиннадцать; лицо у него было суровое и озабоченное.

— Не знаю, что и думать, парень, — произнес он с важным видом, сворачивая самокрутку. — Что-то они там замышляют, это факт. С тех пор как японцы стали скупать лавки в Китайском квартале, нет покоя, и может быть, в этом-то все и дело. Но чужих там нет, черт побери! Подозреваю, те двое, о которых вы говорили, смылись в Лос-Анджелес. Надеюсь вечером узнать точно. У меня назначена встреча с одним желтком, ко-

торый поставляет мне товар. На вашем месте я бы присматривал за портом в Сан-Педро. Те двое могут обменяться документами с китайскими моряками, которые хотят здесь остаться.

— И в городе ты тоже не приметил чужих?

— Ни одного.

— Послушай-ка, ты, глухонемой, — с досадой проговорил я. — Ты лжец и олух царя небесного. Я специально тебя подставил. Ты со своими дружками приложил руку к этим убийствам, и я посажу тебя вместе с ними.

Я направил револьвер прямо в его посеревшее от страха лицо:

— Сиди тихо, мне нужно позвонить.

И, не спуская с него глаз, потянулся свободной рукой за телефонной трубкой.

Этого оказалось достаточно, мой револьвер находился на слишком близком расстоянии от него. Он схватился за него, и мы начали бороться.

Он сумел вырвать у меня револьвер; я попытался было выхватить у него оружие — но слишком поздно. Он успел выстрелить в меня с расстояния сантиметров в тридцать. Огонь опалил мне тело.

Продолжая сжимать револьвер, я, согнувшись пополам, медленно осел на пол, а Ухл выбежал из комнаты, оставив дверь нараспашку.

Прижав руку к горевшему животу, я подбежал к окну и махнул рукой Дику Фоули, спрятавшемуся за ближайшим углом. Потом пошел в ванную и осмотрел рану. Холостой выстрел тоже может ранить, если сделан с близкого расстояния.

Жилетка, рубашка и майка были безвозвратно погублены, а тело сильно обожжено. Я смазал ожог кремом, залепил пластырем, переоделся, снова зарядил револьвер и вернулся в контору поджидать вестей от Дика. Похоже, первый ход в этой игре оказался удачным. Героин героином, но Ухл не набросился бы на меня, если бы мое предположение оказалось неверным; я же основывался на том факте, что он старательно избегал смотреть мне в глаза и лживо уверял, будто в Китайском квартале нет чужих.

Дик не заставил себя долго ждать.

— Кое-что есть! — проговорил он входя. Его высказывания напоминали телеграммы завзятого скряги: — Побежал к телефону. Позвонил в отель «Ирвингтон», успел только заметить номер. Этого должно хватить. Потом Китайский квартал. Зашел в подвал с западной стороны Беверли-плейс. Слишком далеко, чтобы точно определить. Вертеться там дальше — риск. Пригодится?

— Наверняка. Посмотрим, что имеется у нас в

архиве о Сурке.

Служащий, заведовавший картотекой, принес объемистый конверт размером с добрую папку, набитый заметками, вырезками и письмами. Все эти материалы позволили составить примерно такую биографию.

Нил Конирс, он же Сурок, родился в Филадельфии, в пригороде Уиски-Хиллс, в 1883 году. В 1894-м, в возрасте одиннадцати лет, попал в руки полиции в Вашингтоне, куда приехал, чтобы пополнить армию безработных, маршировавших под предводительством Коукси на столицу. Его отослали домой. В 1898 году он был арестован в своем родном городе за то, что пырнул ножом одного парня во время драки в ходе предвыборной кампании. И на этот раз его освободили и отдали под надзор родителям. В 1901-м его опять арестовали, обвинив в организации шайки, похищавшей автомобили. Ввиду недостатка доказательств он был выпущен без судебного разбирательства. Но прокурору пришлось уйти со своего поста в результате скандала, вспыхнувшего вокруг этого дела. В 1908-м Конирс появился на побережье Тихого океана — в Сиэтле, Портленде, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе — в обществе известного афериста, некоего Хью. Годом позже

этот Хью был застрелен человеком, обманутым им в результате какой-то аферы с фиктивной продажей самолетов. По этому же делу был арестован и Конирс. Присяжные не сумели прийти к единому мнению, и он вновь очутился на свободе. В 1910-м его поймали во время знаменитой облавы почтовых служащих на железнодорожных воров. И снова не хватило улик, чтобы посадить его. В первый раз рука правосудия настигла его в 1915 году, когда он был заключен в Сан-Квентин за обман посетителей Панамской международной выставки. Он просидел три года. В 1919-м Конирс вместе с одним японцем по фамилии Хасегава нажег японскую колонию в Сиэтле на двадцать тысяч долларов. Конирс выдавал себя за американского офицера, делегированного во время войны в японскую армию. Он носил фальшивый орден Восходящего Солнца, который ему якобы приколол к груди сам император.

Когда все вышло наружу, семейство Хасегавы вернуло пострадавшим двадцать тысяч. Конирс неплохо заработал на этом, причем даже его репутация не пострадала. Дело замяли, после чего он вернулся в Сан-Франциско, купил гостиницу «Ирвингтон», проживает там уже в течение пяти лет, и никто не может сказать о нем дурного слова.

Конечно, что-то он там химичит, но что именно — никто не мог сказать. Внедрить детектива в его гостиницу было абсолютно невозможно. Все номера всегда были заняты и стоили, как в самом дорогом нью-йоркском отеле.

Таков был владелец гостиницы, которому звонил Ухл, прежде чем скрыться в своей норе в Китайском квартале.

Мне не доводилось видеть Конирса, Дику тоже. В конверте находилось несколько фотоснимков в фас и профиль, сделанных во время его пребывания в тюрьме Сан-Квентин. И еще одна групповая фотография, сделанная в Сиэтле: щегольски одетый Конирс, в вечернем костюме, с фальшивым японским орденом на груди, стоящий среди нескольких японцев, которых он околпачил; любительский снимок, сделанный как раз в тот момент, когда он намеревался вести свои жертвы на убой.

По фотографиям видно было, что это человек незаурядный — внушительная фигура, важная мина, твердо очерченная нижняя челюсть и хитрые глаза.

— Думаешь, что сумеешь его опознать?

— Надеюсь.

— Допустим, ты пойдешь туда и разузнаешь

насчет номера там или по соседству, чтобы иметь возможность наблюдать за гостиницей. Может быть, время от времени тебе удастся проследить за этой пташкой.

На всякий случай я сунул одну фотографию в карман, а остальные убрал обратно в конверт и отправился к старику.

— Я устроил номер с бюро по найму. Некто Фрэнк Пол, владелец ранчо в окрестностях Мартинеса, явится в десять часов утра в четверг и сделает что нужно.

— Отлично. А я нанесу визит в Китайский квартал. Если в течение нескольких дней от меня не будет никаких вестей, не забудьте попросить подметальщиков улиц обратить внимание на то, что они подметают, ладно?

Старик пообещал исполнить мою просьбу.

Китайский квартал Сан-Франциско начинается от торгового квартала на Калифорния-стрит и тянется на север до самого Латинского квартала; ширина его составляет два жилых блока, а длина — шесть.

До пожара на этих двенадцати улицах проживало почти двадцать пять тысяч китайцев. Не думаю, чтобы теперь там проживала хотя бы треть от прежнего количества.

Грэнт-авеню — главная улица и становой хребет этого квартала — почти на всем протяжении заполнена магазинами с разными дешевыми, броскими товарами и огоньками бесчисленных ресторанчиков, где туристам подают рис с луком, а грохот американского джаза заглушает писклявые звуки китайской флейты. Немного подальше мишурный блеск исчезает и можно почувствовать запах настоящих китайских блюд, уксуса и разных сушеных приправ. А если оставить позади несколько больших улиц и всякие туристские приманки, есть шанс действительно кое-что увидеть — хотя не все может понравиться.

Что касается меня, то, свернув с Грэнт-авеню на Клэй-стрит, я зашагал прямиком на Спофорд Эли, отыскивая глазами дом с красными ступеньками и красными дверями, который, по словам Сиприано, принадлежал Чан Ли Чину. Признаюсь, что, проходя мимо Беверли-плейс, я на минутку остановился, чтобы осмотреться. Мой филиппинец доложил мне, что именно здесь проживают пришельцы и что, по его мнению, дом этот может сообщаться с домом Чан Ли Чина; Дик Фоули следил за Ухлом как раз с этого места.

Однако мне не удалось отгадать, какой именно дом принадлежал Чан Ли Чину. Четвертый вход,

считая от шулерского притона Джайра Квона, так сказал Сиприано, но я понятия не имел, где находится этот притон. На Беверли-плейс царили тишина и спокойствие. Какой-то жирный китаец устанавливал перед своей лавкой ящики с зеленью. С полдюжины маленьких китайчат играли в шарики посреди мостовой. На другой стороне улицы блондин в твидовом костюме поднялся по шести ступенькам из подвала на тротуар, а за его спиной на мгновение мелькнуло накрашенное лицо китаянки, закрывавшей за ним дверь. Немного дальше, перед одним из писчебумажных магазинов, рабочие выгружали из грузовика рулон бумаги, а обтерханный гид вывел четверых туристов из китайского храма Королевы Неба, помещавшегося над главной резиденцией Сью Хина.

Я двинулся дальше и на Споффорд Эли без труда отыскал нужный дом. Это было обшарпанное здание со ступеньками и дверями цвета засохшей крови. Окна были наглухо забиты толстыми досками.

От окружающих домов он отличался тем, что на первом этаже не было ни одного магазина или конторы. Дома, предназначенные исключительно для жилья, — большая редкость в Китайском

квартале, почти всегда первый этаж служит для торговли и добывания денег, а живут в подвалах или на верхних этажах.

Я поднялся по трем ступенькам и постучал в дверь костяшками пальцев.

Ответа не последовало.

Я постучал опять, сильнее. Снова никакого ответа. Я сделал третью попытку, и на этот раз мое упорство было вознаграждено: внутри дома что-то заскрипело.

После по меньшей мере двух минут скрипения и шуршания дверь приоткрылась сантиметров на пятнадцать.

В образовавшуюся над тяжелой цепочкой щель на меня глянул раскосый глаз, и я увидел кусочек темного, сморщенного лица.

— Что нужно?

— Я хочу увидеться с Чан Ли Чином.

— Не понимать.

— Не болтай ерунды! Закрой дверь и сбегай к Чан Ли Чину, скажи, что я хочу поговорить с ним.

— Не может! Не знает Чана.

— Скажи ему, что я здесь, — повторил я, поворачиваясь спиной. Затем уселся на верхней ступеньке и, не оглядываясь по сторонам, произ-

нес: — Я буду ждать.

Когда я достал сигареты, за моей спиной воцарилась тишина. После этого дверь бесшумно закрылась и за ней вновь послышались скрип и шорох. Я выкурил одну сигарету, потом другую, время шло, но я пытался делать вид, что для меня оно не существует, надеясь в глубине души, что этот желток не собирается делать из меня идиота и не заставит сидеть здесь до полного изнеможения.

Мимо меня по улице проходили китайцы, шаркая по тротуару ногами в американской обуви, которая никогда не бывает им впору. Некоторые с любопытством поглядывали на меня, другие не обращали ни малейшего внимания. После того как я даром потерял больше часа, за дверью послышалось знакомое шуршание.

Звякнула цепочка, и дверь отворилась. Я не повернул головы.

— Уходи отсюда. Чана нет.

Я промолчал. Если он не намерен меня впускать, ему придется примириться с тем, что я по-прежнему буду здесь торчать.

Пауза.

— Что хочет?

— Я хочу увидеться с Чан Ли Чином, — произнес

я, не поворачивая головы.

Снова последовала пауза, закончившаяся стуком цепочки.

Швырнув на землю окурок, я поднялся и вошел в дом, успев рассмотреть в полумраке дешевую, обшарпанную мебель. Мне пришлось дожидаться, пока китаец накладывал на дверь четыре скобы толщиной в руку, а затем навешивал на них замок. После этого он кивнул мне головой и, шаркая ногами, пошел вперед — маленький, сгорбленный человечек с лысой желтой головой и шеей, напоминавшей кусок старого каната.

Из прихожей он провел меня в еще более темную комнату, затем в коридор и вниз, по скрипучим, разболтанным ступенькам. Я ощущал сильный запах затхлой одежды и влажной земли. Некоторое время мы шли в темноте по земляному полу, затем повернули налево, и я почувствовал под ногами бетон. Еще дважды мы поворачивали в темноте, потом по ступенькам из нестроганого дерева поднялись в коридор, довольно ярко освещенный электричеством.

Мой провожатый отворил какую-то дверь, и мы прошли через комнату, в которой тлели кусочки ладана и при свете масляной лампы можно было рассмотреть маленькие красные столики,

заставленные чашками, а на стене — деревянные таблички, покрытые китайскими иероглифами. Через дверь в противоположной стене мы вступили в полный мрак, так что мне пришлось схватиться за полу просторного голубого халата моего провожатого.

С начала нашего путешествия он ни разу не обернулся, мы не обменялись ни словом. Эта беготня по лестницам вверх и вниз, то влево, то вправо, показалась мне неопасной. Если это тешит старика — пожалуйста! Я был уже изрядно сбит с толку и не имел ни малейшего понятия, где нахожусь. Но я не слишком огорчался. Если они намерены зарезать меня, знание географического положения мне не поможет. А если мне суждено выбраться отсюда живым и здоровым, то все равно, каким путем.

Было еще много блужданий по кругу, восхождений по лестницам и нисхождений вниз и тому подобных глупостей. Мысленно я прикинул, что нахожусь здесь уже добрых полчаса, но никого, кроме своего провожатого, еще не видел.

Наконец я увидел кое-что другое.

Мы шли по узкому, длинному коридору с дверями, окрашенными в коричневый цвет, по обеим сторонам. Все они были закрыты и выглядели

в полумраке довольно таинственно. Проходя мимо одной из дверей, я заметил краем глаза тупой блеск металла и темное отверстие в самом центре.

Я молниеносно повалился на пол.

Падая как подкошенный, я не увидел вспышки, но услышал гром выстрела и почувствовал запах пороха.

Мой провожатый моментально обернулся, при этом одна нога выскочила у него из шлепанца. В обеих руках он держал по пистолету, огромному, как лопата. Я схватился за револьвер, не в силах прийти в себя от изумления — как этот маленький старичок мог укрыть на себе такое количество железа!

Два огромных ствола были нацелены в меня. По китайскому обыкновению старичок палил как сумасшедший: тррах! тррах! тррах!

Кладя палец на спусковой крючок, я подумал было, что он промахнулся, но вовремя спохватился и не выстрелил в него.

Он целил вовсе не в меня, а палил в находившуюся за моей спиной дверь, из-за которой стреляли.

Я откатился по полу на значительное расстояние.

Тем временем костлявый старичок закончил бомбардировку двери и подошел ближе. Расстреляв все патроны, он превратил дерево в мелкие щепки.

Дверь распахнулась под тяжестью тела человека, пытавшегося удержаться на ногах и прильнувшего к ней всем корпусом. Труп «глухонемого» Ухла, от которого почти ничего не осталось, повалился на пол, превратившись в лужу крови.

В коридоре замелькали желтые лица, среди которых торчали черные стволы.

Я поднялся на ноги. Мой провожатый опустил свои пушки и гортанным голосом пропел целую сольную арию. Китайцы начали исчезать в дверях, за исключением четверых, принявшихся убирать то, что осталось от Ухла, пораженного двадцатью пулями.

Мой жилистый желтый ковбой спрятал свои пистолеты, в которых уже не оставалось патронов, и подошел ко мне, протягивая руку за моим револьвером.

— Давать это, — вежливо проговорил он.

Я отдал ему оружие. Если бы он потребовал мои брюки, я бы тоже отдал.

Он засунул револьвер под полу своей рубахи,

мимоходом глянул на то, что несли четыре китайца, а затем взглянул на меня:

— Не любил его, а?

— Не особенно, — признался я.

— Хорошо. Идем.

И снова начался наш парад вдвоем. По-прежнему продолжая играть в жмурки, мы преодолели еще одну лестницу, сделали несколько поворотов налево и направо, после чего мой провожатый наконец остановился перед какой-то дверью и провел по ней ногтями.

Дверь открыл другой китаец. Однако этот не принадлежал к нашим кантонским карликам — могучий, откармливаемый мясом борец, с бычьим загривком, огромными плечищами, лапами гориллы и кожей толстой, как на сапогах. У создавшего его божества, очевидно, нашлось под рукой достаточно материала, причем первосортного.

Придерживая портьеру, заслонявшую вход, гигант сделал шаг в сторону. Я перешагнул через порог и увидел его близнеца, стоявшего по ту сторону двери.

Комната была просторная и круглая; двери и окна, если они здесь имелись, были прикрыты бархатными портьерами — зелеными, голубыми

и серебряными. В большом черном кресле, богато украшенном резьбой и стоявшем за черным инкрустированным столом, сидел пожилой китаец. Лицо у него было круглое, мясистое и хитрое, с космами редкой белой бороды; на голове темная, плотно прилегающая шапочка. Его пурпурное одеяние, тесно охватывавшее шею, было подбито соболем. Мех виднелся сквозь раздвинувшиеся полы, падавшие на голубые сатиновые штаны.

Он не поднялся с места, однако ласково улыбнулся в бороду и наклонил голову, почти коснувшись чайного сервиза, стоявшего на столе.

— Только полная невозможность поверить в то, что особа, исполненная такого божественного великолепия, как ваше превосходительство, соблаговолит терять свое бесценное время на жалкого и ничтожного человечка, удержала вашего покорного слугу от того, чтобы побежать и упасть к вашим благородным стопам, как только я услышал, что отец сыщиков стоит перед моим недостойным порогом.

Это было продекламировано на безупречном английском языке и так гладко, что я сам не сумел бы сказать лучше. Не моргнув глазом, я ждал, что будет дальше.

— Если гроза и ужас преступников удостоит

один из моих жалких стульев и соблаговолит доверить ему свое тело, могу поклясться, что стул этот будет затем сожжен, чтобы никто из худших не мог им воспользоваться. А может быть, принц охотников за ворами позволит мне послать слугу в его дворец за стулом более достойным принца?

Я медленно приблизился, мысленно пытаясь составить подходящий ответ. Этот старый козел поднимал меня на смех, доводя до абсурда пресловутую китайскую вежливость. Но такой уж я человек, что готов идти на все — в известных границах.

— Только потому, что у меня почтительно подгибаются колени при виде могучего Чан Ли Чина, я осмеливаюсь присесть, — произнес я, опускаясь на стул и поворачивая голову, чтобы взглянуть, удалились ли могучие привратники.

Хотя я и не увидел их, что-то говорило мне, что они находятся не далее, как по ту сторону бархатных портьер, прикрывающих дверь.

— Если бы мне не было известно, что король сыщиков знает все, — снова начал свою арию Чан Ли Чин, — я бы изумился, услышав из его уст свое жалкое имя.

— Да кто же не знает вашего имени? Кто не слышал его? — с ходу парировал я. — Разве слово

«чейндж» в английском языке происходит не от имени Чан? «Чейндж» значит «изменять», и именно это происходит со взглядами самых умных людей, когда им явится мудрость Чан Ли Чина! — После этого я попытался закончить комедию, которая уже начала меня утомлять: — Спасибо за то, что ваш человек спас мне жизнь, когда мы шли по коридору.

Он воздел руки над столом:

— Только из опасения, что смрад столь подлой крови будет невыносим для благородных ноздрей императора детективов, я велел поскорее убить эту нечистую тварь, докучавшую вашему превосходительству. Если я ошибся и вы бы предпочли, чтобы его резали по кусочку, могу только предложить одного из моих сыновей, пусть погибнет в муках вместо того жалкого нечестивца.

— Лучше пусть себе живет на здоровье, — небрежно заметил я и приступил к делу: — Я бы не осмелился вам докучать, если бы не тот факт, что я ничего не знаю. Только ваша великая мудрость может меня поддержать и вернуть мне нормальные познавательные способности.

— Никто не спрашивает дорогу у слепца, — отозвался старый мошенник, склонив голову набок. — Разве звезда, при всем желании, мо-

жет помочь Луне? Ваше превосходительство льстит Чан Ли Чину, заставляя его думать, что он способен что-то прибавить к знаниям великого человека, но разве Чан осмелится возражать своему господину и ослушаться его, даже рискуя показаться смешным?

Я понял его слова так, что он готов выслушать мои вопросы.

— Мне бы хотелось знать, кто убил Ван Ма и Ван Лан, служанок Лилиан Шан.

Он играл прядкой своей редкой бороденки, навивая ее на худой, бледный палец.

— Разве тот, кто преследует оленя, взглянет на зайца? — спросил он. — Если столь великолепный охотник делает вид, что его интересует смерть каких-то служанок, то что остается думать Чану? Только то, что великий человек изволит скрывать свою истинную цель. Однако, поскольку умершие были всего лишь служанками, можно подумать, что недостойный Чан Ли Чин, как один из толпы безымянных, ничего не значащих созданий, что-то знает об умерших. Разве крысы не знают обычаев крыс?

Он разглагольствовал таким образом еще добрых несколько минут, а я сидел и слушал, глядя в его круглое, хитрое и непроницаемое, как маска,

лицо, надеясь все же что-то узнать. Но я не узнал ничего.

— Мое невежество даже больше, чем я сам имел наглость полагать, — сказал в завершение своей длинной речи Чан. — Ответ на простой вопрос, заданный вами, превосходит возможности моего слабого рассудка. Я не знаю, кто убил Ван Ма и Ван Лан.

Я осклабился и задал ему очередной вопрос:

— Где я могу найти Ху Луна и Ин Хуна?

— И снова я ощущаю себя погруженным в неведение, как в болото, — замурлыкал он, — утешаясь лишь мыслью, что мастер решения загадок знает ответы на свои вопросы, находя нужным скрывать от Чана свою истинную, наверняка уже достигнутую цель.

Вот все, чего я от него добился.

За этим последовали самая оголтелая лесть, униженные поклоны, дальнейшие уверения в величайшем уважении и любви, после чего я отправился за своим провожатым, с шеей как кусок старого каната, по извилистым коридорам, сумрачным комнатам, вверх и вниз по разбитым ступенькам.

У выхода — уже после того, как были сняты железные скобы, — старичок выгреб из-под рубахи

мой револьвер и вручил его мне. Я подавил в себе желание тут же, на месте, проверить, не сделали ли с ним чего-нибудь; вместо этого я сунул револьвер в карман и переступил порог.

— Спасибо, что пристрелили того парня наверху, — поблагодарил я.

Китаец кашлянул, поклонился и запер дверь.

Дойдя до Стоктон-стрит, я повернул в направлении нашей конторы и, неторопливо шагая, без особого успеха ломал голову над массой разнообразных вопросов.

Вначале следует задуматься над смертью «глухонемого» Ухла. Была ли она заранее спланирована, чтобы покарать никчемного работника и настроить меня на должный лад? Но какой именно? И почему? С какой целью? Чтобы я чувствовал себя обязанным китайцам. Но если так, то зачем им это нужно? А может, это один из тех загадочных номеров, которые так любят проделывать китайцы? В конце концов я отодвинул эти вопросы в сторону и сосредоточился на маленьком, толстом человечке в пурпурном одеянии.

Он мне понравился. У него было чувство юмора, большой лоб, отвага, — словом, все. Посадить его на парашу было бы почетным делом, которым не стыдно похвалиться перед близкими. Это был

мой идеал противника. Но я вовсе не собирался внушать себе, что у меня имеются кое-какие шансы. «Глухонемой» указал мне на связь, существующую между Чан Ли Чином и Сурком из гостиницы «Ирвингтон». «Глухонемой» бурно отреагировал на мое обвинение в том, что он причастен к убийству в доме Шан. Вот все, чем я располагал. К этому можно добавить лишь то, что Чан ни словом не показал своей заинтересованности делами Лилиан Шан.

В свете этих фактов можно было предполагать, что смерть Ухла не была заранее спланированным представлением. Более правдоподобным выглядело предположение, что он заметил мой приход, попытался меня убрать и был убит моим провожатым, поскольку сделал бы невозможной аудиенцию, данную мне Чаном. Жизнь Ухла мало стоила в глазах китайца.

Пока что у меня не было причин для недовольства рабочим днем. Я не совершил ничего особенного, но по крайней мере, ознакомился с тем, что меня ждет в ближайшем будущем. Если уж мне суждено биться головой о стену, то теперь я хотя бы знал, где находится эта стена и кому принадлежит.

В конторе меня ожидало известие от Дика Фо-

ули. Он нанял квартиру напротив гостиницы «Ирвингтон» и в течение нескольких часов следил за Сурком.

Тот провел полчаса в ресторанчике Томсона «Толстяк», на Маркет-стрит, разговаривая с владельцем и несколькими спекулянтами, постоянно там просиживавшими. Потом он взял такси и доехал до О'Фаррел-стрит, где нажал один из звонков при входе в дом «Гленуэй». Звонил он безрезультатно, после чего воспользовался собственным ключом и вошел. Через час он вышел и вернулся к себе в гостиницу. Дик не мог сказать, какой именно звонок он нажал и какую именно квартиру посетил.

Я позвонил Лилиан Шан.

— Вы будете дома сегодня вечером? — спросил я. — Мне бы хотелось поговорить с вами кое о чем, но не по телефону.

— Я буду дома в половине восьмого.

— Хорошо. Я приду.

В четверть восьмого я подъехал на такси к ее дому. Она сама открыла мне дверь. Датчанка, занимавшаяся домом, пока не будут наняты новые слуги, приходила только днем, а ночевать уходила к себе домой; она жила в миле от дома Шан.

Вечернее платье, которое было на Лилиан, от-

носилось к разряду строгих, но все же позволяло предполагать, что если бы она отказалась от очков и больше заботилась о своей внешности, то могла выглядеть гораздо женственнее. Она проводила меня наверх, в библиотеку; навстречу нам поднялся упитанный молодой человек лет двадцати с небольшим в вечернем костюме — симпатичный мальчик со светлыми волосами и гладким лицом.

Он представился, и я узнал, что его фамилия Гартхорн. Девушка явно намеревалась провести встречу со мной в его присутствии. Я же этого не хотел. После того как я сделал все, — не заявляя об этом прямо, чтобы дать понять, что хочу поговорить с ней с глазу на глаз, она извинилась перед своим гостем назвав его по имени — Джек, — и отвела меня в другую комнату.

Я испытывал легкое раздражение.

— Кто это такой? — спросил я.

Она посмотрела на меня, удивленно подняв брови:

— Мистер Джек Гартхорн.

— Вы его хорошо знаете?

— Могу я узнать, почему вас это интересует?

— Можете. Мистер Джек Гартхорн мне не нравится.

— Не нравится?

Тут мне в голову как будто что-то стукнуло.

— Где он живет? — спросил я.

Она назвала номер дома на О'Фаррел-стрит.

— Случайно не «Гленуэй»?

— Кажется, да. — Она взглянула на меня с полным равнодушием: — Не объясните ли мне, в чем дело?

— Еще один вопрос, потом объясню. Вам знаком китаец по имени Чан Ли Чин?

— Нет.

— Ладно. Теперь насчет Гартхорна. Мне удалось напасть на два следа, связанных с вашим делом. Один ведет к Чан Ли Чину из Китайского квартала, другой — к некоему Конирсу, уже отбывавшему срок. Присутствующий здесь Джек Гартхорн был сегодня в Китайском квартале. Я видел, как он выходил из одного подвала, скорее всего, соединенного с домом Чан Ли Чина. Бывший преступник Конирс сегодня днем навестил дом, в котором живет Гартхорн.

Она открыла рот, затем снова закрыла.

— Но это же абсурд! — пробормотала она. — Я знаю мистера Гартхорна в течение некоторого времени и…

— Как долго вы его знаете?

— Долго… несколько месяцев.

— Каким образом вы с ним познакомились?

— Через подругу по колледжу.

— Чем он зарабатывает на жизнь?

Она вдруг замолчала и сжалась.

— Послушайте меня, мисс Шан, — начал я. — Возможно, этот Гартхорн порядочный человек, но всё же я должен это проверить. Если он в порядке, я не причиню ему никакого вреда. Но мне необходимо знать все, что знаете о нем вы.

Слово за слово, постепенно я вытянул из нее все. По ее словам, он был младшим сыном известного в штате Вирджиния семейства и временно находился в опале из-за каких-то юношеских проделок. В Сан-Франциско он приехал четыре месяца назад — выждать, пока уляжется отцовский гнев. Все это время мать снабжала его деньгами, чтобы на период изгнания избавить от необходимости зарабатывать себе на хлеб. Он привез рекомендательное письмо от одной из подруг Лилиан Шан — нетрудно было догадаться, что Лилиан Шан питала к мистеру Гартгорну большую симпатию.

Понимая это, я спросил:

— Вы едете с ним куда-то сегодня вечером?

— Да.

— На его автомобиле или на вашем?

Она нахмурилась, но всё же ответила на мой вопрос:

— На его. Мы едем ужинать в «Хаф Мун».

— Тогда мне понадобится ключ от дома, потому что после вашего отъезда я намерен сюда вернуться.

— Что такое?

— Я хочу сюда вернуться и попрошу вас ничего не говорить ему о моих подозрениях, но полагаю, он решил увезти вас на целый вечер. Если на обратном пути у него вдруг что-то случится с мотором, сделайте вид, что вас это не удивляет.

Она встревожилась, но не хотела признать, что я могу оказаться прав. Как бы то ни было, ключ я получил, после чего рассказал ей о задуманной нами уловке, которая потребует ее помощи, и она пообещала приехать в четверг в нашу контору в половине десятого утра.

Когда я вышел, Гартхорна уже не было.

Снова сев в такси, я велел водителю ехать в ближайший поселок, где купил в магазине пачку жевательного табака, фонарик и коробку патронов. У меня револьвер тридцать восьмого калибра с особыми патронами, но пришлось купить обычные, так как у продавца таких не

оказалось.

С покупками в кармане я отправился обратно к дому Лилиан Шан. Не доезжая до дома я остановил машину, расплатился с шофером и отпустил его. Остальную часть пути я проделал пешком.

Дом был погружен в темноту.

Стараясь вести себя как можно тише, я при помощи фонаря прочесал весь дом от подвала до чердака. Кроме меня, в нем никого не было. В кухне я опустошил холодильник и запил съеденное молоком. У меня было сильное желание выпить кофе, но он слишком пахнет.

Поужинав, я уселся поудобнее на стуле между кухней и входом в остальные помещения. С одной стороны от меня находилась лестница, ведущая в подвал, с другой — лестница наверх. Я находился в центральной точке, откуда при полностью открытых дверях мог слышать все.

Прошел час — в полной тишине, не считая шума машин, проезжавших по дороге, расположенной в трехстах метрах от дома, и океанского прибоя. Я жевал табак, заменяя им сигареты, и пытался подсчитать, сколько времени в своей жизни провел, сидя или стоя, в таком вот ожидании.

Зазвенел телефон.

Я не стал снимать трубку. Это могла быть и Лилиан Шан, нуждавшаяся в помощи, но нельзя было рисковать. Более вероятным было, что какой-нибудь бандит пытается выяснить, есть ли кто дома.

Прошло еще полчаса; со стороны океана повеял легкий бриз, зашелестели листвой деревья.

Внезапно до моего слуха донесся звук, который не был ни ветром, ни шумом прибоя.

Что-то скрипнуло у окна, но я не мог понять, у какого именно. Выплюнув жвачку, я вытащил револьвер и фонарик.

Снова послышался скрип, на этот раз более громкий.

Кто-то возился с окном. Звякнула оконная ручка, и что-то стукнуло в стекло. Меня пытались ввести в заблуждение: кто бы это ни был, он мог разбить стекло, не поднимая такого шума.

Я встал, но остался на месте. Номер с окном призван был отвлечь мое внимание от того, кто, возможно, уже находился в доме. Я перестал обращать внимание на шум и попытался заглянуть в кухню, но там было слишком темно, чтобы что-нибудь рассмотреть. Ничего не видно и не слышно.

Из кухни повеяло влажным воздухом.

На это стоило обратить внимание. Оказывается, у меня появился компаньон, причем более ловкий, чем я, умеющий открывать двери и окна перед самым моим носом. Нехорошо.

Я отодвинулся от стула и, перенеся тяжесть тела на каблуки, стал пятиться назад, пока не коснулся спиной двери, ведущей в подвал. Мне все меньше нравилась эта игра. Я предпочитаю равное или более чем равное участие в расходах и доходах, а здесь этим и не пахло.

Поэтому, когда тонкий, дрожащий луч света, падавший из кухни, скользнул по стулу, стоявшему в проходе, я находился уже на третьей ступеньке лестницы, ведущей в подвал.

Луч на несколько секунд задержался на стуле, затем осветил коридор и заглянул в комнату. Я видел только его и ничего больше.

Вслед за этим послышались новые звуки: шум автомобильных двигателей возле самого дома, со стороны дороги, осторожные, мягкие шаги на кухонном крыльце, потом по линолеуму пола — шаги многих ног. Я ощутил запах, не оставлявший никаких сомнений, — запах немытых китайцев.

После этого я перестал интересоваться ими — у меня нашлось множество работы под рукой.

Владелец фонаря очутился у края лестницы, ве-

дущей в подвал. Я не мог его рассмотреть — мои глаза устали от беспрерывного глядения на свет.

Первый тонкий луч, направленный вниз, скользнул в нескольких сантиметрах от меня; у меня нашлось время кое о чем подумать. Если этот тип среднего роста, то его голова должна находиться в каких-нибудь сорока пяти сантиметрах выше источника света.

Луч начал шарить по сторонам и упал на мою ногу.

Я прицелился в заранее выбранную в темноте точку. Его выстрел опалил мне щеку. Он протянул руку, чтобы схватить меня, но я увернулся, и китаец нырнул в подвал, блеснув золотыми зубами.

Дом наполнился криками и топотом ног.

Мне пришлось покинуть свое укрытие, иначе меня могли бы столкнуть вниз.

Внизу меня подстерегала западня, поэтому я решил вернуться в проход возле кухни. Там кишели немытые тела. Чьи-то руки и зубы принялись рвать на мне одежду. Ах ты черт! Я во что-то вляпался, но во что?

Я очутился посреди дикой сутолоки невидимых тел, которые дрались друг с другом, боролись, возились, хрипя и стеная. Вихрь драки вынес

меня на кухню. Поддавшись ему, я тоже принялся изо всех сил молотить кулаками, бить головой, пинать ногами.

Писклявый голос выкрикивал по-китайски какие-то команды.

Втиснутый на кухню, я скользнул плечом по дверному косяку, изо всех сил сопротивляясь невидимым врагам, но боясь прибегать к оружию, которое по-прежнему держал в руке.

Я был лишь частью общей неразберихи. Достаточно одного выстрела, и я превращусь в ее центр. Ошалевшую банду охватила паника. Стоит обратить на себя внимание, и меня растерзают на кусочки.

Итак, я поддался общему потоку, пиная всех и вся и получая пинки. Под ноги мне угодило ведро, и я повалился на пол, увлекая за собой ближайших соседей. Перекатившись через чье-то тело, я почувствовал на своем лице чью-то ногу, освободился от нее и оказался в углу кухни. Жестяное ведро по-прежнему сильно мне мешало.

Благослови Господи это ведро!

Я хотел, чтобы эти люди убрались. Неважно, кто они такие, если они мирно удалятся, я прощу им все грехи.

Засунув револьвер внутрь ведра, я выстрелил.

Раздался страшный грохот, как будто бросили гранату.

Я выстрелил еще раз, и тут мне в голову пришла другая идея. Сунув в рот два пальца левой руки, я свистнул как можно громче, одновременно выпаливая в ведро оставшиеся патроны.

Что за чудесный грохот!

Когда у меня в револьвере кончились патроны, а в глотке — воздух, я был один, очень радуясь этому обстоятельству. Я понял наконец, почему мужчины иногда уходят из дома и живут в одиночестве в пещерах. Я не осуждал их за это!

Сидя один, в темноте, я зарядил револьвер. Потом, ползя на четвереньках, выглянул в кухонную дверь. Окружавшая меня темнота ничего мне не сказала. Со стороны залива по-прежнему доносился плеск волн. С другой стороны дома послышался шум моторов. Я надеялся, что мои друзья готовились к отъезду.

Повернув ключ в замке, я включил свет. Кухня была не так сильно разгромлена, как я ожидал. На полу валялись несколько кастрюль и один сломанный стул, а в воздухе стоял запах немытых тел. И это было все, если не считать голубого хлопчатобумажного рукава посреди кухни, соломенной сандалии рядом с дверью в коридор,

в возле нее — клока коротких черных волос со следами крови.

В подвале я не обнаружил посланного мною туда человека. Открытая дверь указывала на путь его бегства. Там валялись также его и мой фонари и виднелись следы его крови.

Я поднялся наверх и вышел из дому. Входная дверь была распахнута, ковры скомканы. На полу лежала разбитая голубая ваза. Стол был сдвинут с места, несколько стульев опрокинуто. Я нашел старую, засаленную фетровую шляпу коричневого цвета, без подкладки и ленты, а также испачканную фотографию президента Кулиджа, явно вырезанную из какой-то китайской газеты, и шесть папиросных гильз.

Наверху ничто не свидетельствовало о том, что мои гости туда заглядывали.

Было уже половина третьего утра, когда я услышал шум подъезжавшего автомобиля. Я выглянул из окна спальни Лилиан Шан на втором этаже и увидел, что она прощается с Джеком Гартхорном.

Пройдя в библиотеку, я стал ее поджидать.

— Ничего не случилось? — Это были ее первые слова, и звучали они почти умоляюще.

— Случилось, — ответил я. — И предполагаю, у

вас были проблемы с автомобилем.

Я думал, что она солжет, но она утвердительно кивнула головой и медленно опустилась в кресло, утратив свою обычную сдержанность.

— Меня тут навестила большая компания, — сказал я. — Правда, не могу похвастаться, что много о ней знаю. По правде говоря, я откусил больше, чем мог проглотить, и должен радоваться уже тому, что смог прогнать всю шайку.

— Вы не звонили шерифу? — спросила она каким-то странным тоном.

— Нет. Пока я не хочу, чтобы Гартхорна арестовали.

Мои слова вывели ее из состояния апатии. Она встала, гордо выпрямилась и произнесла ледяным тоном:

— Я больше не хочу об этом слышать.

Что касается меня, то я не возражал, но напоследок спросил:

— Надеюсь, вы ничего ему не сказали?

— Сказала ли я ему что-нибудь? — Казалось, она была удивлена. — Неужели вы думаете, что я позволила бы себе оскорбить его, повторяя ваши домыслы, абсурдные домыслы?

— Вот и хорошо, — похвалил я если не ее отношение к моим предположениям, то, во всяком

случае, умение держать язык за зубами. — Ну что ж, я останусь здесь на ночь. Существует всего один шанс из ста, что сегодня может что-нибудь случиться, но я предпочитаю не рисковать.

Она была явно не в восторге от моей идеи, но промолчала и удалилась к себе.

Разумеется, ничего не случилось до самого восхода солнца. Как только полностью рассвело, я покинул дом и еще раз обошел окрестности. Повсюду виднелись следы ног, которые вели от заливчика в сторону дома. Дерн на газоне был кое-где содран, там, где автомобили круто разворачивались.

Я позаимствовал из гаража Лилиан Шан машину и вернулся в Сан-Франциско, прежде чем закончилось утро.

Придя в контору, я попросил старика приставить к Джеку Гартхорну ангела-хранителя, отдать на исследование в лабораторию старую шляпу, фонарь, сандалию и остальные сувениры, а кроме того, собрать отпечатки пальцев, следы ног, зубов и так далее. И чтобы наш филиал в Ричмонде разузнал поподробнее о Гартхорнах.

После этого я отправился на свидание со своим филиппинским помощником.

Он был в мрачном настроении.

— В чем дело? — спросил я. — Тебя кто-нибудь побил?

— О нет, сэр! — запротестовал он. — Но наверное, из меня плохой детектив. Я пытаюсь проследить за одним типом, а он поворачивает за угол и исчезает.

— Кто он и что делал?

— Не знаю, сэр. Я видел четыре автомобиля, из которых вылезают и спускаются в подвал люди. Я вам о них уже говорил: чужие китайцы. Когда они вошли в подвал, один человек вышел. На лбу у него повязка, а на повязке шляпа. Он быстро уходит. Я пытаюсь идти за ним, но он поворачивает за угол и исчезает.

— Во сколько это все было?

— Наверное, около двенадцати.

— А могло быть позже или раньше?

— Да, сэр.

Несомненно, речь шла о моих гостях. Человек, за которым пытался следить Сиприано, мог быть тем, кого я ударил кулаком.

Филиппинец не подумал о том, чтобы записать номера машин. Он также не знал, кто вел автомобили — белые или китайцы, и даже не мог сказать, какой марки были машины.

— Ты превосходно справился с делом, — заве-

рил я его. — Попробуй еще что-нибудь разузнать сегодня вечером. Наверняка ты побываешь в тех местах.

От него я пошел позвонить в храм правосудия. Мне удалось выяснить, что о смерти «глухонемого» Ухла донесений не поступало.

Двадцатью минутами позже я уже обивал косточки пальцев о дверь дома Чан Ли Чина.

На этот раз дверь мне отворил не старичок с шеей, напоминающей кусок старого каната, а молодой китаец с широко улыбающимся рябым лицом.

— Вы хотите видеть Чан Ли Чина, — сказал он, прежде чем я успел открыть рот, и отступил в сторону, давая мне дорогу.

Я вошел и стал ждать, когда он наденет все скобы и замки. После этого мы двинулись к Чану более коротким путем, чем прежде, но всё же очень далеким от прямого.

Следуя за своим провожатым, я некоторое время развлекался тем, что мысленно вычерчивал маршрут нашего движения, но это оказалось делом чересчур сложным, и вскоре я вынужден был сдаться.

Комната, увешанная бархатными портьерами, была пуста, когда мой спутник ввел меня туда,

поклонился и удалился, осклабившись напоследок. Я присел на стул рядом со столом и принялся ждать.

Чан Ли Чин отказался от театральных приемов и не появился бесшумно, как привидение. Я услышал его шаги в мягких туфлях, прежде чем он вошел, раздвинув портьеры. Он был один, его белые усы топорщились в добродушной патриархальной улыбке.

— Победитель чужестранных орд вновь удостоил чести посетить мою резиденцию, — приветствовал он меня и еще долго забавлялся бессмысленными оборотами, которых я наслушался во время своего первого визита. Часть, посвященная победителю чужестранных орд, была произнесена холодным тоном и относилась к событиям последней ночи.

— Я слишком поздно догадался, с кем имею дело, и покалечил вчера одного из ваших слуг, — вставил я, когда он на мгновение исчерпал запас цветистого красноречия. — Я понимаю, что ничем не могу искупить свой страшный грех, но надеюсь, что вы велите распороть мне глотку и позволите в виде покаяния изойти кровью в одном из ваших мусорных баков.

Чуть слышный вздох, который можно было

принять и за сдержанное хихиканье, тронул губы старца, а его пурпурная шапочка затряслась.

— Укротитель мародеров знает все, — иронически заметил он. — Даже какого рода шумом следует отпугивать демонов. Если он утверждает, что человек, которого он ударил, был слугой Чан Ли Чина, то кто такой Чан, чтобы ему перечить?

Я попытался обвести его вокруг пальца:

— Мне известно отнюдь не все, я даже не знаю, почему полиция до сих пор не слышала о смерти человека, застреленного здесь вчера.

Он погрузил ладонь в свою белую бороду и стал играть ею.

— Я не слышал об этой смерти, — сказал он.

Нетрудно было догадаться, что за этим последует, но я предпочитал убедиться.

— Тогда, может быть, вы спросите у человека, который вчера привел меня сюда? — предложил я.

Чан Ли Чин взял со стола обшитую материей палочку и ударил ею в гонг, висевший на узорном шнуре над его плечом. Портьеры на противоположной стене раздвинулись, и появился китаец, который меня привел.

— Разве смерть удостоила нас вчера своим посещением? — по-английски спросил у него Чан.

— Нет, мой господин, — ответил рябой.

— Вчера меня привел сюда почтенный старец, — пояснил я, — а не этот юноша королевского рода.

Чан изобразил на лице изумление.

— Кто встречал вчера великого короля шпионов? — обратился он к слуге, стоявшему в дверях.

— Я сам, мой господин.

Я осклабился рябому, он — мне. Чан добродушно улыбался.

— Это очень забавно, — заметил он.

— Очень.

Рябой слуга поклонился и собирался уже юркнуть за портьеру, когда за его спиной послышались тяжелые шаги. Он молниеносно обернулся — над ним стоял один из тех гигантов, которых я видел здесь накануне. Глаза его блестели, он был сильно возбужден и что-то громко чирикал. Рябой немедленно дал ему словесный отпор, после чего Чан Ли Чин резким тоном утихомирил обоих. Все говорилось по-китайски, и я ничего не мог разобрать.

— Позволит ли великолепный охотник за головами своему покорному слуге ненадолго удалиться, чтобы уладить кое-какие неприятные

домашние дела?

— Ясное дело, — разрешил я.

Чан поклонился мне, сложив ладони лодочкой, и повернулся к гиганту:

— Ты останешься здесь и будешь охранять покой великого человека, исполняя все его желания.

Китаец с фигурой борца почтительно поклонился и отодвинулся, чтобы пропустить Чана вместе с рябым слугой. Портьеры вновь сомкнулись за ними.

Я не стал терять слов ни на одном языке, чтобы вступить в разговор с богатырем, стоявшим у двери, а поджидая возвращения Чана, закурил сигарету. Докурив ее до половины, я услышал в глубине дома выстрел, прозвучавший не слишком далеко.

Гигант нахмурился.

Раздался еще один выстрел, и в коридоре послышались шаги. Кто-то бежал. Внезапно из-за портьеры вынырнула голова рябого. Он что-то прочирикал по-китайски, обращаясь к богатырю; тот с хмурым видом оглянулся на меня и начал протестовать.

Но рябой не отставал от него, и, бросив на меня еще один хмурый взгляд, борец пробормотал,

чтобы я подождал, после чего оба исчезли.

Я заканчивал сигарету, прислушиваясь к приглушенным звукам драки, происходившей, кажется, этажом ниже. Раздались еще два выстрела — с разных сторон. Чьи-то ноги пробежали за дверью комнаты, в которой я сидел. С тех пор как меня оставили одного, прошло уже минут десять.

Неожиданно для себя я обнаружил, что я не один.

На стене напротив двери дрогнули портьеры. Голубой, зеленый и серебристый бархат выпятился на несколько сантиметров и тут же снова опустился. Затем это повторилось в трех метрах дальше — легкое дрожание бархата в отдаленном углу комнаты.

Кто-то, скрывшись за портьерами, крался вдоль стены. Развалившись на стуле, я позволил ему красться дальше, даже не пошевелив рукой. Если дрожь портьеры сулила неприятности, то малейшее движение с моей стороны могло лишь ускорить их.

Я следил за движением портьеры по всей длине стены, до того места, где, как мне было известно, находится дверь. После этого довольно продолжительное время все было спокойно. Когда я

уже решил, что прокрадывавшееся вдоль стены существо вышло за дверь, портьера внезапно откинулась и оно предстало передо мной.

В ней не было и полутора метров — живая фигурка из фарфора, снятая с чьей-то полки. Совершенный овал хорошенького, как на картинке, личика подчеркивали великолепные черные, словно лакированные волосы, плотно прижатые к вискам. У щек покачивались золотые серьги, а головку украшала жадеитовая бабочка. Блуза цвета лаванды, сверкающая белыми камнями, прикрывала ее тело от подбородка до колен; из-под коротких брюк того же цвета выглядывали шелковые чулочки, а неестественно крохотные ступни были в сандалиях, сделанных в форме кошечек с желтыми камешками вместо глаз и султанчиками из перьев вместо усов. В этих тряпках из модного дамского журнала она казалась невероятно хрупкой и крошечной. И все же это была не статуэтка. Передо мной стояла маленькая женщина из плоти и крови, ее черные глазки глядели испуганно, а пальчики нервно теребили ткань на груди.

Она подошла ближе поспешными, неуклюжими шагами, как обыкновенно ходят китаянки, которым перевязывают ступни ног, и дважды

повернула голову, чтобы взглянуть на портьеры, прикрывавшие дверь.

Я вскочил со стула, чтобы сделать шаг ей навстречу. По-английски она говорила очень плохо. Большую часть из того, что она пролепетала, я не понял, хотя мне показалось, что ее «мне-по-же», возможно, означало «вы мне поможете».

Я кивнул и поддержал ее за локти, когда она споткнулась и оперлась на меня.

Она угостила меня очередной порцией своего ужасного английского, что отнюдь не прояснило ситуации, разве что ее «не-ниц» означало «невольница», а «за-бать да» — «забрать отсюда».

— Ты хочешь, чтобы я забрал тебя отсюда? — спросил я.

Она энергично закивала головкой, которая приходилась как раз под моим подбородком, и красный цветок ее губ расцвел такой улыбкой, по сравнению с которой все улыбки, какие мне только доводилось видеть, показались бы отвратительными гримасами.

Она продолжала говорить, но я ничего не понял. Освободив свой локоть из моей ладони, она засучила рукав и обнажила руку, которую, вероятно, какой-нибудь художник полгода вырезал из слоновой кости. Я увидел пять синяков — следы

от пальцев и царапины там, где ногти вонзились в тело.

Опустив рукав, она снова угостила меня несколькими фразами. Они ничего для меня не значили, но звучали приятно, как звон колокольчиков.

— Ладно, — проговорил я, вынимая револьвер. — Если хочешь идти со мной, то пойдем.

Она ухватилась обеими ручками за мой револьвер, энергичным движением опустила его стволом вниз, потом, глядя мне в лицо, в большом волнении принялась что-то объяснять и провела ладонью по шее, очевидно, желая показать, как мне перережут глотку.

Я отрицательно покачал головой и подтолкнул девушку к двери. Она упиралась, глаза ее расширились от страха. Потом она потянулась рукой к моей часовой цепочке. Я позволил ей вытащить часы из кармашка. Она ткнула кончиком указательного пальчика на двенадцать часов, а затем трижды очертила кружок. Мне показалось, что я понял ее: через тридцать шесть часов, начиная с сегодняшнего полудня, будет полночь четверга.

— Да, — сказал я.

Она бросила взгляд на дверь и потянула меня к столу, на котором стоял чайный сервиз. Окунув

пальчик в холодный чай, она принялась рисовать на инкрустированной поверхности стола.

Две параллельные линии я принял за улицу. Она пересекла ее другой парой черточек. Третья пара пересекла вторую и проходила параллельно первой.

— Беверли-плейс? — спросил я.

Она удовлетворенно кивнула головой.

Там, где я представлял себе восточную сторону Беверли-плейс, она начертила квадрат — это могло означать дом. В квадрате поместилось нечто напоминавшее розу. Я наморщил лоб. Она стерла розу и на ее месте нарисовала неровную окружность, добавив в нее точек. Мне показалось, что я понял ее мысль: роза должна была изображать капусту. А это был картофель. Квадрат означал овощную лавку, которую я заметил на Беверли-плейс. Она кивнула головой.

Пальчики ее пробежали по улице и нарисовали квадрат на другой стороне, а лицо обратилось ко мне с умоляющим выражением. Ей хотелось, чтобы я понял ее.

— Дом на другой стороне улицы, напротив овощного магазина, — проговорил я, медленно цедя слова, а когда ее пальчик постучал по кармашку с часами, добавил: — Завтра в полночь.

Не знаю, что она поняла из моих слов, но так поспешно закивала головкой, что ее серьги закачались, как маятники сумасшедших часов.

Неуловимо быстрым движением она нагнулась, схватила мою правую ладонь, поцеловала ее и, покачиваясь и подпрыгивая, исчезла за бархатной портьерой.

Я стер носовым платком нарисованную на столе карту, сел и спокойно курил, когда минут через двадцать вернулся Чан Ли Чин.

Вскоре, обменявшись умопомрачительными комплиментами, мы распрощались, и рябой слуга проводил меня к выходу.

В конторе для меня не оказалось никаких новостей. Фоули не удалось прошлой ночью проследить за Сурком.

На другой день, в десять минут одиннадцатого, мы с Лилиан Шан подъехали к дверям бюро Фон Ика на Вашингтон-стрит.

— Подождите минуты две, потом входите, — сказал я своей спутнице, вылезая из машины.

— Держите автомобиль наготове, — посоветовал я водителю. — Может так случиться, что придется быстро сматываться.

В бюро Фон Ика худощавый, седовласый мужчина, скорее всего, тот самый Фрэнк Пол, найденный

для меня Стариком, жуя сигарету, беседовал с полудюжиной китайцев. За конторкой сидел толстый китаец и без всякого интереса наблюдал за ними сквозь огромные очки в проволочной оправе.

Я посмотрел на кандидатов. Третьим от меня был низкий, коренастый мужчина со сломанным носом. Отодвинув остальных, я подошел к нему. Не знаю, чем он собирался меня встретить, — может быть, каким-нибудь приемом джиу-джитсу или его китайским вариантом. Во всяком случае, наклонившись и изготовившись к прыжку, грозно растопырил напряженные руки.

Я схватил его, немного повозился, наконец поймал шею и заломил одну из рук за спину.

В этот момент второй китаец прыгнул мне на спину, худощавый седовласый мужчина прицелился и заехал ему точно по зубам — китаец отлетел в угол и остался там лежать.

Так выглядела ситуация, когда появилась Лилиан Шан. Я повернул китайца со сломанным носом в ее сторону.

— Ин Хун! — крикнула она.

— Среди них есть Ху Лун? — спросил я, указывая на собравшихся.

Она энергично помотала головой и начала

стрекотать по-китайски с моим арестантом. Тот отвечал, глядя ей в глаза.

— Что вы собираетесь с ним сделать? — спросила она у меня, плохо справляясь со своим голосом.

— Передать в руки полиции, чтобы он дождался прибытия шерифа из Сан-Матео. Он вам что-нибудь объяснил?

— Нет.

Я стал подталкивать его в направлении двери. Неожиданно китаец в очках с металлической оправой преградил мне путь, пряча одну руку за спину.

— Нельзя, — сказал он.

Я толкнул на него Ин Хуна, так что он отлетел к стене.

— Уходите отсюда! — крикнул я Лилиан.

Седовласый мужчина остановил двоих китайцев, бросившихся к двери, и мощным толчком отпихнул их к другой стене.

Мы вышли на улицу.

Там все было спокойно. Сев в такси, мы проехали полтора квартала вперед, к комиссариату, где я вытряхнул своего узника из машины. Пол, владелец ранчо, заявил, что не пойдет с нами, — ему было очень приятно познакомиться, но у него

есть еще несколько неотложных дел.

Сказав это, он отправился пешком по Кернистрит.

Лилиан Шан, уже наполовину высунувшаяся из такси, вдруг изменила свое намерение.

— Если в этом нет необходимости, — сказала она, — я бы тоже предпочла туда не ходить, а дожидаться вас здесь.

— Превосходно, — согласился я и подтолкнул арестованного мной китайца к ступеням комиссариата.

Когда я вошел и обрисовал положение дел, возникла довольно странная ситуация.

Местная полиция не проявила ни малейшего интереса к личности Ин Хуна, хотя, разумеется, готова была задержать его до прибытия шерифа из Сан-Матео.

Ин Хун делал вид, что не понимает по-английски, мне же было очень интересно, какую он придумал историю в свое оправдание, поэтому я заглянул в комнату тайных агентов и обнаружил там Билла Тоуда, прикомандированного к Китайскому кварталу и немного говорящего по-китайски.

Он довольно долго разговаривал с Ин Хуном, а потом взглянул на меня, откусил кончик сигары

и поудобнее развалился на стуле.

— Если верить его словам, — начал Билл, — то Ван Лан и Лилиан Шан поссорились, а на другой день Ван Лан исчезла. Мисс Шан и ее служанка Ван Ма говорили, что Ван Лан уехала, но Ху Лун рассказал ему, что сам видел, как Ван Ма сжигала одежду Ван Лан. Поэтому Ху Лун и этот наш желток подумали, что здесь что-то неладно, а на другой день были уже в этом уверены. Наш парень не мог найти среди садового инвентаря своей лопаты, а вечером находит ее, и она еще мокрая от влажной земли, хотя он не видел, чтобы кто-нибудь копал ею в саду или за домом. Он посоветовался с Ху Луном, все это им не понравилось, и они решили, что лучше смыться, пока и они не исчезли, как Ван Лан. Вот все, что он сказал.

— А где сейчас Ху Лун?

— Он говорит, что не знает.

— Так, может быть, Лилиан Шан и Ван Ма были еще дома, когда эта парочка смылась? — спросил я. — Они еще в тот момент не выехали на восток?

— Он утверждает, что нет.

— А он не догадывается, из-за чего исчезла Ван Лан?

— Этого я не мог из него вытянуть.

— Спасибо тебе, Билл. Скажешь шерифу, что он у вас?

— Можешь не сомневаться.

Разумеется, когда я вышел на улицу, Лилиан Шан и след простыл, вместе с такси.

Я вернулся в комиссариат и позвонил в нашу контору. По-прежнему никаких известий от Дика Фоули, вообще никаких новостей, в том числе и от того парня, который следил за Джеком Гартхорном. Правда, пришла телеграмма из Ричмонда. В ней говорилось, что Гартхорны — люди зажиточные и известные в округе, что молодой Джек Гартхорн то и дело попадал в неприятные истории, что несколько месяцев назад он избил в каком-то кафе полицейского из бригады по борьбе с бутлегерами, что отец лишил его за это наследства и выгнал из дома, но мать, скорее всего, посылает ему деньги.

Это соответствовало тому, что рассказала мне Лилиан. Трамвай довез меня до гаража, где я припрятал спортивную машину, заимствованную накануне утром из гаража Лилиан Шан. Я поехал домой к Сиприано. У него не оказалось никаких важных сведений. Прошедшую ночь он провел, слоняясь по Китайскому кварталу, но вернулся

ни с чем.

Я находился не в лучшем настроении, когда поворачивал на запад, чтобы через Голден Гейт Парк выехать на Океанский бульвар. Дело подвигалось отнюдь не так быстро, как бы мне хотелось.

На бульваре я изрядно прибавил скорость, и соленый морской воздух несколько улучшил мое настроение.

Когда я позвонил в дверь дома Лилиан Шан, мне открыл мужчина с костлявым лицом и рыжеватыми усиками. Я знал его, это был Таккер, помощник шерифа.

— Привет, — сказал он. — Чего тебе?

— Я тоже ее разыскиваю, — ответил я.

— Ну и разыскивай, — осклабился он. — Я тебя не задерживаю.

— Нет ее, да?

— Ясное дело, нет. Датчанка, которая здесь работает, говорит, что она приезжала и за полчаса до моего прихода уехала, а я здесь минут двадцать.

— У тебя ордер на ее арест? — спросил я.

— Угадал. Ее шофер во всем признался.

— Да, я слышал. Это я тот гениальный парень, который его сгреб.

Я еще минут пять-десять поболтал с Таккером,

а затем снова сел в машину.

— Ты дашь знать в агентство, когда ее накроешь? — спросил я, уже захлопнув дверцу автомобиля.

— Непременно.

Я повернул машину обратно к Сан-Франциско.

Сразу же за Дэйли-Сити меня обогнало такси, ехавшее в южном направлении. Сквозь стекло я успел заметить лицо Джека Гартхорна.

Я надавил на тормоз и помахал рукой. Такси остановилось и, дав задний ход, подъехало ко мне. Гартхорн открыл дверцу, но остался в машине.

Я вышел и подошел к нему:

— Заместитель шерифа поджидает в доме Лилиан Шан, если вы направляетесь туда.

Он сделал большие глаза, потом прищурился и подозрительно посмотрел на меня.

— Отойдем в сторонку и спокойно поговорим, — предложил я.

Он вылез из такси, и мы пересекли шоссе по направлению к нескольким солидным валунам.

— Где Лил… мисс Шан? — спросил он.

— Спроси у Сурка, — посоветовал я ему.

Нет, этот блондинчик немногого стоил. Много времени прошло, прежде чем он успел выта-

щить свою пушку. Я спокойно позволил ему это сделать.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Я ничего не имел в виду, просто хотел посмотреть, как он отнесется к моим словам, поэтому промолчал.

— Она попала в руки Сурка?

— Не думаю, — ответил я, хотя и с большой неохотой. — Но дело в том, что ей пришлось скрыться, чтобы ее не повесили за убийство. Сурок ее заложил.

— Повесили? — изумленно переспросил он.

— Ага. Помощник шерифа, который сейчас находится в доме, имеет ордер на арест Лилиан Шан, подозреваемой в убийстве.

Он спрятал оружие, и в горле у него что-то забулькало.

— Я поеду туда и скажу все, что знаю! — И он направился в сторону такси.

— Минуточку! — крикнул я ему вслед. — А может, вы сначала скажете мне все, что знаете. Ведь я на нее работаю.

Он быстро обернулся:

— Да, вы правы. Тогда вы будете знать, что делать.

— Итак, что вам известно, если вам и впрямь

что-то известно? — сказал я, когда он подошел ко мне.

— Мне известно все! — крикнул он. — О смерти тех двух и о…

— Спокойно! Спокойно! Не стоит вываливать такую информацию перед водителем такси.

Он успокоился, и я начал его прощупывать. Прошло около часа, прежде чем я сумел вытянуть из него все нужные сведения.

По его словам, история его молодой жизни началась с момента отъезда из дома, после того как он впал в немилость из-за побоев, нанесенных полицейскому. Он приехал в Сан-Франциско, чтобы переждать гнев отца. Мать снабжала сына деньгами, но не в таком количестве, чтобы их могло хватить молодому человеку в городе, полном соблазнов.

В таком положении Гартхорн находился, когда повстречал Сурка, который сумел его убедить, что он без труда заработает кучу долларов на контрабанде спиртного, если будет делать, что ему говорят. Гартхорн охотно согласился на это предложение. Он ненавидел сухой закон — причину большей части его проблем. Кроме того, контрабанда привлекала его неким романтическим ореолом — выстрелы в темноте, световые

сигналы по правому борту и так далее.

Похоже, у Сурка были лодки, спиртное и жаждущие клиенты, но не было места для разгрузки товара. Он приглядел маленький заливчик на побережье, идеальное местечко для таких операций — не слишком далеко и не слишком близко от Сан-Франциско. С двух сторон его загораживали скалы, а со стороны дороги — высокий дом и живая изгородь. Если бы он мог воспользоваться тем домом, не было бы никаких проблем; он мог бы спокойно разгрузить товар в заливчике, перенести его в дом, перелить в посуду с невинными этикетками, вынести через главный вход и доставить в город жаждущим клиентам.

Сурок сообщил Гартхорну, что дом принадлежит одной китаянке, Лилиан Шан, которая не согласится ни продать его, ни сдать в аренду. Гартхорн должен был познакомиться с ней — Сурок располагал рекомендательным письмом от одной ее подруги, которая, кстати сказать, после окончания колледжа успела довольно низко пасть, — а затем подружиться и сблизиться настолько, чтобы подбросить ей мысль об использовании дома. Говоря точнее, выведать, можно ли, с большей или меньшей откровенностью, предложить ей долю в прибыли от дела,

задуманного Сурком.

Гартхорн выполнил свою задачу, во всяком случае, первую ее часть: он уже находился в довольно близких отношениях с Лилиан Шан, когда она неожиданно уехала в Нью-Йорк, сообщив ему, что будет отсутствовать в течение нескольких месяцев. Это был превосходный подарок для контрабандистов. На другой день Гартхорн позвонил Лилиан домой и узнал, что Ван Ма уехала со своей хозяйкой и дом остался на руках троих слуг.

Он не принимал участия в высадке контрабандистов, хотя ему этого хотелось. Но Сурок велел ему держаться подальше, чтобы после возвращения девушки он мог играть свою первоначальную роль.

Сурок рассказал ему, что подкупил всю троицу слуг-китайцев, чтобы те ему помогали, и что кухарка, Ван Лан, погибла при дележе денег, убитая своими товарищами. Во время отсутствия Лилиан Шан товар только один раз прошел через ее дом. Неожиданное возвращение хозяйки расстроило все планы. Часть водки еще оставалась в доме. Им пришлось схватить мисс Шан и Ван Ма и запихнуть их в какой-то шкаф, пока не вынесут товар. При этом Ван Ма была случайно удушена.

Но главные осложнения были связаны с прибытием новой партии товара, который предстояло выгрузить в заливчике в ближайшую среду, причем не было возможности предупредить тех, кто приплывет в лодках. Сурок послал за нашим героем и велел ему в среду придержать девушку подальше от дома по меньшей мере до двух часов ночи. Гартхорн пригласил ее поужинать в «Хаф Мун». Она приняла приглашение. В дороге он сделал вид, что мотор барахлит, и продержал Лилиан до половины третьего. Позже Сурок сообщил ему, что все сошло гладко.

После этого он принялся заикаться и бормотать что-то нечленораздельное. Думаю, что суть его слов сводилась к следующему: он не задумывался над тем, порядочно ли поступает по отношению к девушке. Она не привлекала его, будучи слишком суровой и серьезной. Он вовсе не притворялся, даже не пытался с ней флиртовать, но его поразило внезапное открытие, что девушка отнюдь не была столь же равнодушна, как он. Для него это было потрясением. Впервые он увидел вещи в их подлинном свете. До этого он считал все происходящее просто забавной шуткой, но зарождение настоящего чувства все изменило, хотя это чувство не было взаимным.

— Сегодня днем я сказал Сурку, что кончаю с этим.

— И как ему это понравилось?

— Не особенно. По правде говоря, мне пришлось дать ему в морду.

— Ах вот оно что! И что же вы теперь намерены делать?

— Я собирался повидаться с мисс Шан и рассказать ей всю правду, а потом… потом, вероятнее всего, исчезнуть.

— Это было бы самое лучшее. Сурку могло не понравиться, что вы дали ему по морде.

— Но теперь я не хочу скрываться. Я решил отдаться на милость мисс Шан и сказать ей правду.

— И не думайте, — посоветовал я ему. — Не нужно. Вы слишком мало знаете, чтобы ей помочь.

Это была неправда, потому что Гартхорн прекрасно знал о том, что шофер и Ху Лун еще целый день находились в доме после отъезда Лилиан Шан в Нью-Йорк, Но мне не хотелось, чтобы он выходил из игры.

— На вашем месте, — продолжал я, — я бы нашел какой-нибудь тихий уголок и переждал там, пока я не дам вам знать. У вас есть на примете такое местечко?

— Пожалуй, — медленно проговорил он. — У меня есть… один друг, который примет меня… Он живет неподалеку от Латинского квартала.

— Неподалеку от Латинского квартала? А может, в Китайском квартале? Я там недавно проходил. На Беверли-плейс?

Он отпрянул от меня:

— Откуда вам это известно?

— Я ведь сыщик. Мне известно все. Вы слышали о Чан Ли Чине?

— Нет. — На лице его отразилось непритворное удивление.

Я с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

Когда я впервые увидел этого красавчика, он как раз выходил из дома на Беверли-плейс, а сзади него в открытой двери мелькнуло лицо китаянки. Это был дом, расположенный напротив овощного магазина. Китаянка, с которой я разговаривал у Чана, попотчевала меня байкой о невольнице и пригласила в тот же самый дом. Благородного Джека она угостила той же историей, но он не знал, что девушку что-то связывает с Чан Ли Чином, не знал даже о существовании Чана и о том, что Чан и Сурок — сообщники. И теперь Джек очутился в трудном положении и собирается укрыться как раз у той самой девушки!

Не скажу, чтобы меня не устраивал такой поворот событий. Джек попадет в западню, но мне было на это наплевать, а вернее, давало надежду на то, что он сможет мне пригодиться.

— Как зовут вашу подружку? — спросил я.

— Сиу Сиу.

— Ладно, — поддержал я его безумное намерение, — идите к ней. Это великолепное убежище. Но если я вдруг вздумаю послать вам весточку с каким-нибудь китайским мальчиком, то как вас найти?

— Пусть он перепрыгнет вторую и третью ступеньки, потому что в них вмонтирован сигнал тревоги. То же относится и к перилам. Пусть поднимется на третий этаж и повернет налево. Коридор темный. Вторая дверь направо ведет в комнату, у противоположной стены которой стоит шкаф, а внутри — дверь, завешенная старой одеждой. Эта дверь ведет в другую комнату. Обычно там всегда кто-то находится, поэтому пусть дождется удобного момента. В комнате есть маленький балкон, куда можно попасть из обоих окон. Этот балкончик огорожен, и если нагнуться, то человека не видно ни с улицы, ни из других домов. В конце балкона лежат две доски, закрывающие вход в маленькую комнатку между

стен, в полу которой есть ход в другую такую же комнатку, где я, скорее всего, и буду находиться. Оттуда есть еще один выход, через лестницу, но я им никогда не пользовался.

Это напомнило мне какую-то детскую игру. Однако, излагая весь этот вздор, дурачок ни разу не запнулся, относясь к нему с полнейшей серьезностью.

— Вот оно что! — отозвался я. — Советую вам отправиться туда как можно скорее и оставаться там до тех пор, пока я не дам о себе знать. Вы узнаете моего посыльного, он немного косит, а для верности я еще дам ему пароль. «Наугад» — таков будет наш пароль. А входная дверь не запирается на ключ?

— Нет, я ни разу не видел ее запертой. В доме живут сорок или пятьдесят китайцев, а может, даже сто. Поэтому не думаю, чтобы вход когда-нибудь запирался.

— Хорошо. А теперь сматывайтесь, да побыстрее.

В тот вечер, в пятнадцать минут одиннадцатого, я открыл дверь напротив овощного магазина на Беверли-плейс — на час и три четверти раньше, чем было условлено с Сиу Сиу. Без пяти десять позвонил Дик Фоули и сообщил, что Сурок вошел

в дом с красной дверью на Споффорд Эли.

Очутившись в темноте, я тихо закрыл за собой дверь и начал припоминать детские указания Гартхорна. Меня не останавливала мысль об их вздорности и глупости, поскольку другой дороги я не знал.

Пришлось потрудиться, чтобы не задеть вторую и третью ступеньки и в то же время не коснуться перил, но в конце концов я преодолел это препятствие и зашагал дальше. Я отыскал вторую дверь в коридоре, шкаф в комнате и дверь внутри него. Сквозь щели виден был свет. Некоторое время я прислушивался, но ничего не услышал.

Я толкнул дверь, она отворилась, и оказалось, что комната пуста. Чувствовался запах масляной лампы. Ближайшее окно я, вопреки правилам игры, открыл без малейшего шума. Любой скрип или скрежет мог предупредить Гартхорна об опасности.

В соответствии с полученными инструкциями, оказавшись на балконе, я присел на корточки и отыскал свободно лежавшие доски, под которыми оказалась черная дыра. Я опустил туда ноги и согнулся, чтобы удобнее было спускаться. Это было нечто напоминавшее скат в стене, тесная дыра, которые я не особенно жалую. Я быстро

спустился вниз и очутился в довольно длинной и узкой клетушке.

Здесь было абсолютно темно. Включив фонарик, я увидел комнатку длиной метров в шесть и шириной около полутора метров, в которой стояли стол, тахта и два стула. Я заглянул под единственный коврик, лежавший на полу, и обнаружил ход в подполье, выполненный настолько грубо, что его никак нельзя было принять за часть пола.

Улегшись на живот, я приложил ухо к лазу, но ничего не услышал, после чего приподнял крышку на несколько сантиметров. Темнота и чей-то шепот. Потянув сильнее за крышку лаза, я без труда откинул ее и осторожно положил на пол. Затем сунул голову в отверстие, погрузившись по самые плечи, и обнаружил, что внизу находится еще один, точно такой же лаз.

Я осторожно спустился вниз, деревянная крышка под моими ногами стала вдруг прогибаться. Я мог бы подтянуться обратно, но, раз уж дерево поддавалось, решился сыграть ва-банк.

Я обеими ногами встал на крышку. Она не выдержала, и я провалился прямо в освещенную комнату. Крышка над моей головой захлопнулась. Схватив Сиу Сиу, я закрыл ей рот обеими

руками как раз в тот момент, когда она уже собиралась закричать.

— Привет! — сказал я изумленному Гартхорну. — У моего посыльного сегодня выходной, поэтому мне пришлось явиться самому.

— Привет! — с трудом проговорил он.

Комнатка, где я находился, была копией той, из которой я только что провалился, такая же каморка, хотя здесь в другом конце виднелась деревянная дверь.

Я передал Сиу Сиу в руки Гартхорна:

— Пусть сидит тихо, пока я…

Я замолчал, услышав звук поворачиваемого в двери ключа, и отскочил к стене возле двери в тот самый момент, когда она отворилась, закрыв от моих глаз того, кто вошел.

Дверь отворилась не шире, чем голубые глаза Джека Гартхорна и его рот. Я подождал, пока она откроется на всю ширину, а затем появился из-за нее с револьвером в руке.

На пороге стояла королева или кто-то в этом роде.

Это была высокая, гордо выпрямившаяся женщина. Росту ей прибавлял головной убор в виде огромной бабочки, искрившейся от обильно украшавших ее драгоценностей, — добычи,

захваченной по меньшей мере в дюжине ювелирных магазинов. На ней было одеяние цвета аметиста, вверху расшитое золотом, а внизу переливавшееся всеми цветами радуги. Да что там одеяние!

Сиу Сиу была красавицей, какую только можно себе представить. Безупречной! Но вот появилась королева, и Сиу Сиу сразу поблекла, подобно пламени свечи в солнечном блеске. Она по-прежнему была красива, даже красивее женщины, стоявшей в дверях, если уж быть точным, но на нее сразу перестали обращать какое бы то ни было внимание. Сиу Сиу была просто хорошенькой девушкой, а это чудо в дверях… Нет, у меня не хватает слов!

— Боже мой! — хрипло прошептал Гартхорн. — Я и понятия не имел!

— Что вы здесь делаете? — бесцеремонно обратился я к женщине.

Но она даже не слышала меня, глядя на Сиу Сиу, как тигрица на дворовую кошку. Сиу Сиу, в свою очередь, смотрела на нее, как смотрела бы дворовая кошка на тигрицу. У Гартхорна вспотело лицо, а на губах появилась жалкая улыбка.

— Что вы здесь делаете? — повторил я, подходя ближе к Лилиан Шан.

— Я там, где мое место, — медленно проговорила она, не сводя глаз со своей рабыни. — Я вернулась к моему народу.

Что за чепуха! Я повернулся к Гартхорну, который по-прежнему стоял, выпучив глаза.

— Отведите Сиу Сиу наверх, — приказал я, — и проследите, чтобы она сидела тихо, даже если вам придется ее для этого придушить. Я хочу поговорить с мисс Шан.

Совершенно растерянный Гартхорн придвинул стол под лаз, залез на него, подтянулся кверху и протянул руки Сиу Сиу. Девчонка лягалась и царапалась, но я всё же поднял ее вверх и подал Гартхорну. Потом закрыл дверь, через которую вошла Лилиан Шан, и обратился к ней:

— Как вы сюда попали?

— Я оставила вас и поехала домой, заранее зная, что скажет Ин Хун, поскольку он предупредил меня, когда мы были одни. А когда оказалась дома… когда я оказалась дома, то решила прийти сюда, где мое настоящее место.

— Вздор! — возразил я. — Вернувшись домой, вы нашли там известие от Чан Ли Чина, который просил… приказал вам явиться сюда.

Она молча смотрела на меня.

— Чего хотел от вас Чан?

— Ему показалось, что он может мне помочь, — ответила она. — Поэтому я пришла сюда и решила здесь остаться.

Еще больший вздор!

— Чан сообщил вам, что Гартхорну грозит опасность, потому что он порвал с Сурком.

— С Сурком?

— Вы заключили договор с Чаном, — заявил я, не обращая внимания на ее вопрос. Возможно, она и впрямь не знала Сурка под этой кличкой.

Она покачала головой, зазвенев драгоценностями.

— Я не заключала с ним никаких договоров, — возразила она, с подозрительным спокойствием выдерживая мой взгляд.

Но я ей не поверил.

— Вы предоставили свой дом Чану, во всяком случае, право пользоваться домом взамен на обещание защитить этого… — я хотел сказать «пижона», но удержался, — Гартхорна от Сурка, а вас — от закона.

Она выпрямилась.

— Да. Так я и поступила, — спокойно произнесла она.

С женщиной, которая выглядит как королева, не так-то легко справиться, и уж во всяком случае

не тем способом, каким я первоначально намеревался. Сделав некоторое усилие над собой, я припомнил, что знал ее чертовски некрасивой девушкой в мужском костюме.

— Вам следовало бы устроить порядочную головомойку, — нахмурившись, проговорил я. — Мало того, что у вас полно других проблем, так вы еще якшаетесь с шайкой бандитов. Вы видели Сурка?

— Там наверху был какой-то человек, но я не знаю, как его зовут.

Я порылся в карманах, нашел снимок, сделанный в тюрьме, и показал ей.

— Это он, — подтвердила она.

— Хорошенького вы себе нашли партнера! — взорвался я. — Неужели вы думаете, что его обещание чего-нибудь стоит?

— Мне обещал не он, а Чан Ли Чин.

— Это немногим лучше. Они сообщники. О чем шла речь?

Она снова окаменела, внутренне сжалась и гордо вскинула подбородок, глядя прямо мне в глаза. Поскольку ее наряд китайской принцессы увеличивал дистанцию между нами, я разозлился не на шутку.

— Не будьте ребенком! — резко произнес я. —

Вам кажется, что вы совершили выгодную сделку, а на самом деле вас просто надули! Как вы думаете, зачем им понадобился ваш дом?

Она попыталась остановить меня суровым взглядом. Тогда я атаковал ее с другой стороны:

— Послушайте, что я вам скажу! Если вам все равно, с кем заключать сделки, то попробуйте заключить ее со мной. Я все же лучше, чем Сурок, у меня нет за спиной судебного приговора. Уж если вы верите его слову, то моему должны верить и подавно. Расскажите мне, в чем суть вашей договоренности. Если это хотя бы наполовину честная сделка, обещаю вам уползти отсюда на четвереньках и позабыть обо всей этой истории. Если же вы мне не скажете, я высунусь в ближайшее окно, которое мне удастся разыскать, и расстреляю все патроны в револьвере. Вы удивитесь, когда увидите, сколько полиции привлечет один-единственный выстрел в этой части города и как быстро они приедут.

Услышав эту угрозу, она слегка побледнела:

— Если я вам скажу, вы обещаете ничего не предпринимать?

— Вы забыли, что я сказал? — спросил я. — Молчать я буду только в том случае, если дело хотя бы наполовину чистое.

Она закусила губу, сплела пальцы и начала рассказывать:

— Чан Ли Чин — один из тех, кто противостоит японской экспансии в Китае. Со времени смерти Сунь Вэня, или Сунь Ятсена, как его называют в Южном Китае и здесь, японский нажим на китайское правительство все возрастает. Теперь дело обстоит хуже, чем было некогда. Чан Ли Чин и его друзья продолжают дело Сунь Вэня. Против них выступает их собственное правительство, поэтому им приходится своими силами вооружать патриотов, чтобы противостоять японской агрессии, когда настанет время. Мой дом служит этой цели. Там хранятся карабины и боеприпасы, которые затем погружают на лодки и доставляют на корабли, стоящие в открытом море. Человек, которого вы называете Сурком, владелец судов, на которых оружие доставляют в Китай.

— А как объяснить смерть служанок?

— Ван Лан была шпионкой китайского правительства. Думаю, что смерть Ван Ма была случайной, хотя ее также подозревали в шпионаже. Для патриотов расправа с изменниками является суровой необходимостью. Надеюсь, вы сами это понимаете. Ваши соотечественники поступают так же, когда родина находится в

опасности.

— Гартхорн болтал что-то о контрабанде спиртного. Что вы скажете на это?

— Он верил в то, что ему говорят, — ответила она, слегка улыбнувшись в сторону лаза, в котором исчез Гартхорн. — Ему так сказали, потому что слишком мало его знали, чтобы доверять. Поэтому и не разрешили присутствовать при погрузке. — Она положила руку мне на плечо. — Вы уйдете и будете молчать, хорошо? — попросила она. — Такого рода деятельность входит в противоречие с законами вашей страны, но разве не нарушают чужие законы, чтобы спасти собственную отчизну? Четыреста миллионов людей имеют право защищаться от напора чуждой расы, не так ли? С давних пор моя родина сделалась игрушкой в руках более агрессивных народов. Китайские патриоты готовы заплатить любую цену за то, чтобы годы позора наконец закончились. Неужели вы встанете на пути к свободе моего народа?

— Я надеюсь, что ваш народ победит, — сказал я. — Но вас обманули. Единственное оружие, которое прошло через ваш дом, это то, что находится в моем кармане!

Потребовался бы по меньшей мере год, чтобы

таким способом перенаправить груз целого корабля. Возможно, Чан и в самом деле отправляет оружие в Китай. Это выглядит правдоподобно. Но не через ваш дом. В ту ночь, когда я там был, я наткнулся на кули, но они пришли со стороны залива и уехали на машинах. Может быть, Сурок и впрямь занимается доставкой оружия для Чана и одновременно доставкой кули. За каждого из них он может получить от тысячи долларов и выше. Это то, что касается технической стороны дела. Сурок отправляет Чану оружие и привозит товар для себя — этих самых кули и вдобавок наверняка немного опиума. И очень недурно на этом зарабатывает. Одна доставка оружия не принесла бы ему такого дохода. А грузят оружие совершенно открыто, на побережье, под видом чего-то другого. Ваш дом служит для обратного этапа. Чан может быть связан или не связан с торговлей кули и опиумом, но одно не подлежит сомнению: он готов позволить Сурку делать что угодно, лишь бы тот отправлял оружие в Китай. Теперь вы сами видите, что вас провели.

— Но…

— Никаких «но»! Помогая Чану, вы принимаете участие в торговле живым товаром. Кроме того, обеих служанок убили, скорее всего, не из-за того,

что они шпионили, а из-за того, что они не хотели вас предавать.

Она страшно побледнела и покачнулась.

Я не дал ей времени прийти в себя:

— Как вам кажется, Чан доверяет Сурку? Сложилось ли у вас впечатление, что они друзья?

— Пожалуй, нет, — медленно проговорила она. — Они что-то говорили о нехватке одной лодки.

Это хорошо.

— Они там еще вместе?

— Да.

— Как туда пройти?

— Вниз по этой лестнице, через подвал и снова вверх. Они в комнате, расположенной справа от лестницы.

Слава Богу, наконец-то у меня есть какие-то реальные указания!

Я вскочил на стол и постучал в потолок.

— Спускайтесь, Гартхорн, и прихватите свою спутницу. И ни шагу отсюда до моего возвращения, — приказал я юнцу и Лилиан Шан, когда мы все снова оказались вместе. — Я забираю Сиу Сиу с собой. Пойдем, сестричка, я хочу, чтобы ты поговорила с каждым злым человеком, который нам встретится. Мы пойдем повидаться с Чан Ли

Чином, понимаешь? — Я сделал грозную мину: — Но если ты хотя бы пискнешь, то я… — Тут я взял ее пальцами за шею и слегка сжал.

Она хихикнула, и это немного испортило эффект.

— К Чану! — скомандовал я и, придерживая ее за руку, подтолкнул к двери.

Мы спустились в темный подвал, пересекли его, нашли лестницу, ведущую вверх, и начали подниматься. Двигались мы медленно, осторожно. Перевязанные ступни девушки не способствовали быстрой ходьбе.

На лестнице горел слабый огонек. Мы были как раз на этой площадке, когда неожиданно услышали позади шаги. Четверо китайцев в мятых плащах прошли по нижнему коридору, миновали лестницу и, не глядя в нашу сторону, пошли дальше.

Сиу Сиу раскрыла пунцовый цветок своих уст и издала вопль, который можно было услышать в Окленде.

Я выругался, отпустил ее и взбежал по лестнице. Те четверо помчались за мной. В этот момент на верхней площадке Лестницы показался один из двух гигантов Чана с тридцатипятисантиметровым куском трубы в могучей руке. Я оглянулся.

Сиу Сиу, задрав голову, сидела у подножия лестницы и вопила, как ненормальная, с выражением удовольствия на кукольном личике. Один из гнавшихся за мной китайцев снимал пистолет с предохранителя.

Ноги сами понесли меня вверх, к людоеду, стоявшему на вершине лестницы.

Увидев его голову, наклонившуюся ко мне, я выстрелил. Пуля пробила ему горло.

Когда он повалился рядом со мной, я похлопал его стволом по лицу.

В этот момент чья-то рука схватила меня за лодыжку. Держась за лестничные перила, я выдернул ногу.

Когда я побежал к двери с правой стороны, чей-то выстрел отбил кусок штукатурки на потолке.

Толкнув дверь, я оказался внутри.

И тут меня схватил второй людоед, поймавший мое тело весом более девяноста килограммов с той же легкостью, с какой ребенок ловит мяч.

Чан Ли Чин пробежал пухлыми пальцами по своей редкой бороденке и ласково улыбнулся мне. Сидевший рядом с ним мужчина, о котором я знал, что это Сурок, с искаженным лицом сорвался со стула.

— Приветствую короля охотников, — произнес

Чан и прибавил несколько слов по-китайски, обращаясь к державшему меня людоеду.

Тот поставил меня на ноги и отвернулся, чтобы закрыть дверь и остановить моих преследователей.

Сурок снова уселся и не сводил с меня хитрых налитых кровью глаз. Его жирное лицо не выражало особой радости.

Прежде чем двинуться через комнату, я сунул револьвер в карман. По дороге я обратил внимание на одну деталь: бархатная портьера за стулом Сурка немного оттопырилась, но не настолько, чтобы это мог заметить непосвященный человек. Так значит, Чан не доверял своему партнеру!

— Мне бы хотелось, чтобы вы увидели то, что у меня тут, — обратился я к старому китайцу, очутившись перед ним, вернее, перед столом, за которым он сидел.

— Воистину благословенны глаза, которые могут созерцать все, что приносит отец мстителей.

— Я слышал, что то, что отправляется в Китай, вовсе не попадает туда, — заявил я, засовывая руку в карман.

Сурок вскочил с мерзкой гримасой на побагровевшем лице. Чан Ли Чин взглянул на него, и он снова опустился на стул.

Я вытащил из кармана фотографию стоявшего в группе японцев Сурка с орденом Восходящего Солнца на груди. Я надеялся, что Чан не слышал о подделке ордена.

Сурок выгибал шею, чтобы рассмотреть брошенную на стол фотографию, но ничего не мог увидеть.

Чан Ли Чин долго разглядывал фотоснимок, взор его оставался таким же ласковым, руки были так же сложены на животе, а глаза не изменили своего выражения.

Ногти его правой руки медленно прочертили красную линию поверх левой ладони.

— Воистину, — тихо произнес он, — в обществе мудрого человека и сам набираешься мудрости.

Затем он протянул снимок толстяку. Сурок поспешно схватил фотографию. Лицо его посерело, глаза чуть не вылезли из орбит.

— Но ведь это… это… — начал было он, умолк, опустил снимок на колени и весь сжался, словно в предчувствии неминуемого поражения.

Это удивило меня. Я готовился к шумному спору и уверениям, что орден поддельный, ведь на самом деле он таковым и являлся.

Можете просить за это все, чего пожелаете, — обратился ко мне Чан Ли Чин.

— Я хочу, чтобы у Лилиан Шан и Гартхорна кончились наконец неприятности, хочу выдачи этого толстяка, который здесь сидит, и всех тех, кто замешан в убийстве тех двух китаянок.

Глаза Чана на мгновение закрылись — первый признак усталости, который я заметил на его круглом лице.

— Вы можете это иметь, — помолчав, проговорил он.

— Разумеется, договор, заключенный вами с мисс Шан, теряет силу, — многозначительно заметил я. — А что касается этого голубчика… — я указал рукой на Сурка, — что касается его, то мне пригодились бы несколько улик, чтобы отправить его на виселицу.

Чан грустно усмехнулся:

— Боюсь, что это невозможно.

— Почему?..

Бархатная портьера за спиной Сурка теперь свисала гладко. Одна из ножек стула, на котором он сидел, поблескивала, а внизу расплывалась лужа крови. Не было надобности видеть его спину, чтобы понять, что его уже не повесят.

— Если так, дело другое, — сказал я и ногой придвинул к столу стул. — А теперь поговорим о делах.

Двумя днями позже все было объяснено, к полному удовольствию полиции, прессы и общественности. Сурка обнаружили на одной из темных улочек мертвым. По всей вероятности, он погиб в одной из драк нелегальных торговцев спиртным. Арестовали Ху Луна. Арестовали и китайца с золотыми зубами, открывшего Лилиан Шан дверь в ее собственном доме. Арестовали еще пятерых. В результате вся эта семерка вместе с шофером Ин Хуном получила пожизненное. Это были люди Сурка, и Чан пожертвовал ими, не моргнув глазом. Против Чана у полиции было столько же доказательств, сколько и у меня, поэтому его привлечь не смогли, хотя и знали, что большинство улик против арестованных представил мне Чан. Кроме Лилиан, Чана и меня, никто не знал о роли Гартхорна, поэтому парень вышел сухим из воды, получив разрешение пребывать в доме Лилиан Шан столько времени, сколько сам захочет.

Я не мог выдвинуть против Чана никаких обвинений, поскольку у меня не было доказательств. Я не особенно верил в его патриотизм и позволил бы отсечь себе руку, только бы засадить старика в тюрьму. Было бы о чем писать домой. Однако у меня не было ни малейших шансов поймать его

на месте преступления, поэтому пришлось удовольствоваться нашим негласным договором: он сдал мне всех, кроме самого себя и своих друзей.

Не знаю, что сталось с Сиу Сиу, той писклявой невольницей. Хотелось бы, чтобы она благополучно отделалась Я чуть не пошел к Чану, чтобы узнать о ее судьбе, но в конце концов отказался от своего намерения. Чан дознался, что орден на фотографии был поддельным, и я получил от него записку:

> Мой привет и слова большой любви открывателю тайн!
>
> Тот, кого патриотический запал и врожденная глупость сумели ослепить до такой степени, что он уничтожил полезное орудие, выражает надежду, что никакие превратности судьбы не заставят его скрестить силу своего жалкого разума с несгибаемой волей и великолепным умом повелителя тех, кто решает загадки.

Можете понимать это, как хотите. Однако я знаю человека, написавшего эти слова, и не боюсь признаться в том, что перестал обедать в китайских ресторанах, а если у меня никогда не

возникнет надобности снова посетить Китайский квартал, это будет пределом моих желаний.

Крутой детектив США. Выпуск 12: Сборник Романы: Пер. с англ. — СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1995. - 330 с. — (Выпуск 12).

ISBN 5-8392-0104-9

Переводчик: Прияткин Дмитрий Александрович, Иванова А. А.